

**ОКТАБРЬ
1998**

Литературно-художественный
и краеведческий журнал

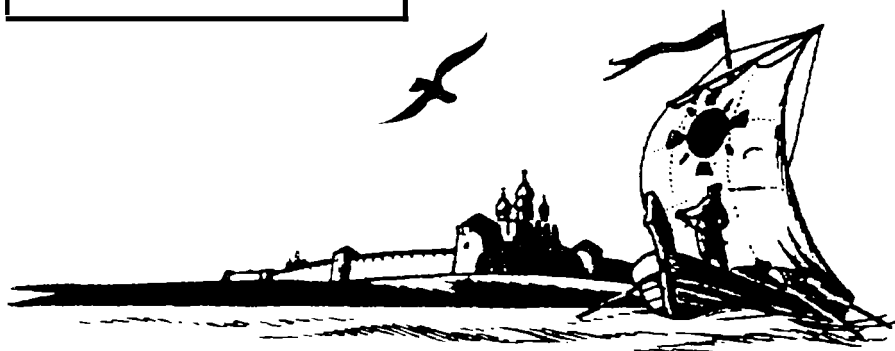
ЧЕРЕМШАН

В номере:

Кристина БОНДАРЕВА.
«Хочу быть стервою...»
Поэтическая подборка.

Александр НИКОНОВ.
«Побег» - повесть из
жизни заключенных
советских лагерей.

Надежда ПРОХОРОВА.
Сенсационная
находка историка:
Лев Толстой
посещал Симбирскую
губернию.

Только в редакции журнала «Черемшан»!

Всем желающим оценить, подготовить и издать рукописи своих произведений предоставляем возможность:

- рецензирования Вашей рукописи членами Союза писателей России;
- редактуры произведения на профессиональном уровне;
- компьютерного набора, верстки и корректуры рукописи;
- художественного и технического оформления будущей книги;
- издания в фирменном стиле книг, брошюр, буклетов;
- литературной обработки, написания рекламных текстов, приветствий для юбиляров, листовок, докладов, эпитафий.

Предоставляем услуги:

- книжной лавки писателей;
- по составлению социолого-аналитических справок, прогнозов, моделированию выборных кампаний;
- по литературной обработке и подготовке дипломных и кандидатских научных статей;
- по оценке антикварных и букинистических предметов, рукописей, архивных материалов, фотографий, живописных работ, открыток и плакатов XIX и первой половины XX веков, организации аукционов.

Обращаться:
г.Димитровград,
ул.Юнг Северного флота, 107,
2-й этаж.
Телефон 3-11-50.

ЧЕРЕМШАН

октябрь

1998

Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской горадминистрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России

ПОДАД

"МЕЛЕКЕВ"®

В НОМЕРЕ:

стр.

Валерий Гордеев. Литературный Димитровград - это
реальность наших дней. Отчет.

3

Светлана Матлина. Стансы. Цикл стихов.

18

Александр Никонов. «Побег». Повесть,

журнальный вариант.

23

Новое имя. **Кристина Бондарева.** Стихи.

41

Иван Хмарский. «Голгофа». Рассказ.

43

Феликс Касимов. «Пришельцы» из глубины веков.

(Маршрутами родной речи).

53

Детский уголок. **Лидия Степанова.** «Я ведь так люблю
общенье...». Стишата.

61

Записки Хранителя. **Надежда Прохорова.**

«Золотой» от Льва Толстого». 66

Евгений Ларин. «Лицом к лицу». Документальная повесть.

72

Наши авторы. Справка

95

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

**На наш журнал
можно подписаться
только в его
редакции, с любого
месяца. Стоимость
одного номера -
5 рублей. На год -
50 рублей.**

**Рекламодателям,
претендующим на
площадь в журнале
не менее, чем в
шести номерах,
предоставляется
скидка в размере
30%.**

Главный редактор Валерий ГОРДЕЕВ.

В выпуске принимали участие:

Компьютерный дизайн: Т.Царева.

Техническое оформление: А.Ефремов.

© «Черемшан» 1998

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.

Сдано в набор 18.10.98. Подписано в печать 1.11.98. Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 5,58. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 4310

Цена свободная. Отпечатано в Димитровградской гортипографии, 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

Дмитровград - это реальность наших дней

Чуть-чуть истории

История советской действительности еще четко держит цим и думи российских граждан среднего поколения - самого многочисленного слоя населения страны. Меняющаяся реальность - если не отторгается ими, то и не прививается. Мы, на словах живущие в новых измерениях, на деле все еще сонливыми проносимся по меркам «того», допотопического, прошлого. Так и с литературой. Живем, оценивая ее критериями советского социализма, не хотим замечать, знать новую, российскую реальность. Лет десять-пятнадцать назад был единый Союз писателей СССР. Единая - советская литература. Провинции и окраины были жестко централизованы на московские писательские структуры, издания, издательства. Там формировалась идеология литературного мира страны. Классикам советской литературы можно было стать только через русский язык, только через московские публикации. Шел жесточайший отбор и не всегда по талантам. Молодые стояли в очередь на призыв в Союз писателей по 20-30 лет. Им фиксировалась заданность творчества. Десятилетиями измерялись издательские очереди - независимо от значимости произведений. Чтобы стать известным стране писателем, нужно было соблюдать прежде всего несколько окламограбурных правил. Жить в Москве. Быть членом СЛ. Встретиться (по дружбе или взяточкам) в определенную писательскую команду у журнала или издательства. Кривить душой, обходя социальность. Наконец, попасть в обязательный и одобжаемый литобзор прессы, формировавшей взгляды

и суждения народа. Можно было жить и в провинции. Но пройти подобное же «сито» через Москву. Согласитесь, если бы Валентин Распутин издавался только в Иркутске, а Асбафьев - в Вологде, они были бы значимым явлением в тех масштабах и никогда не стали бы известным сбором. Третий путь известности - уход за границу СССР. Оппозиция к советскому строю. Выход к читателям через нелегальные издания, самиздат, радиоголоса. «Известность» каждого формировалась через бесплатные издания огромных тиражей и централизованные закупки этих книг. Через дешёвые журналы, библиотечки, альбомы. Выписывали тогда централизованную идеологию ЦК КПСС литературы пачками. Интеллигенция добровольно, остальные по разнарядке. В школах и вузах была единая и многолетняя программа, в которой дозировались имена «известных» народу писателей. Я не говорю, что все они были бездарными. Многие были по-настоящему талантливы, но - все проходил отбор на доступ к народу. С 1991 года реальность изменилась. Самые кардинальные изменения, определяющие даже общественные процессы, произошли в литературе. Во-первых, т.н. рыночная экономика и независимость средств массовой информации сделали издания дорогостоящими и неподвластными единому идеологическому центру. Бывший советский человек и интеллигент растерян. Теперь нет усилков на известность, нет даже намеков на оппозиционность, которую мы привыкли искать между строк. Во-вторых, если и выкрошишь из скудного семейного бюджета деньги на подписку, то не понять, каков же это писатель: одна газета его превозносит, другая - низвергает. Привывшие почти не читать книги, а доверять критикам-обозревателям, мы кидаемся в книжный магазин, а там такие цены... Уж лучше и не задушиваться над судьбой писательской: из сердца вон - в кармане целее. Тем более, что массовой литературы - добрых-одногодков и миллионов дешёвей по доступной цене - навалом. В-третьих, в писательской среде идёт необратимый процесс размежевания. В 1991 году распался Союз писателей СССР. Его функции перешли к СП российскому. Руководящие республиканским Союзом писатели и их сборники, ранее бывшие в периферийной и финансовой зависимости, своих постов и своих позиций отдавать добровольно союзным писательским «генералам» не собирались. От буквальной абакки - успешно отбились. Так произошёл раскол. Союзные «генералы» создали на базе СП СССР - Международный союз писателей и... стали играть в литературу сами с собой. Никто из уважающих себя писателей не стал бы переводить т.н. классиков из сборн СНТ. В СНТ, получив свои доли от писательского «пирога», пытались доказать, что и на их языках может существовать настоящая литература, отечественная, порой антирусская... Некой группе писателей «демократического толка» тогда же удалось с помощью модных на фоне версификации эмигрантов прихватить бывшие «союзные» журналы, газеты и издательства («ЛТ», «Знамя», «Юность», «Октябрь», «Нева», «Советский писатель», «Иностранная литература» и т.д.). С этого началось литературно-идеологическое противостояние. Самое страшное - оно перешло в

противостояние межнациональное. Если в Союзе писателей России были как прежде сконцентрированы либерально-буржуазные силы многонациональной республики, и Сергею Михалкову удалось не допустить розни среди них, то образовавшееся писательское сообщество «Апрель» вообрало в себя в большинстве своем людей одной определенной национальности, всегда верховящей в писательских, актерских, музыкальных, медицинских, ювелирных кругах общества. После 1993 года они стали называть себя Союзом российских писателей. Тла, кому эти распри не по душе, кто не хотел примыкать к «мещанинскому» и «гомосексуальному» «Апрелю», но и боялся показной «русскости» (в основном писатели Москвы и Ленинграда), - образовали т.н. Независимый союз писателей. Молодые российские литераторы, оставшиеся за бортом этой свары и не принятые в писательские ряды, образовали т.н. Союз (или профсоюз) литераторов. Оскорбленные невниманием расклевывавшегося члнбателя к насильно культивируемой ранее теме военной героики и засильем «боевиков» на экранах и в книгах, писатели от Минобороны создали свою Ассоциацию писателей военно-патриотической литературы. А наиболее решительные деятели из Союза писателей России утлочилились в ВТМО «Русский центр», Товариществе русских художников и Ассоциации русских писателей. Следует уточнить, что из почти 15 тысяч советских писателей на территории России осталось чуть более пяти. Подавляющее большинство из них не покинуло свой Союз писателей России, предводительствуемые С. Михалковым, а затем Ю. Бондаревым. Остальные писательские образования можно с полным основанием назвать кариковыми. Естественно, что атака «кариков» на СП России не затыхала. «Малый кусок» ждали все, кому не лень. По мсткам все расставили октябрь 1993-го. Среди защитников Конституции и Закона, погнанных президентом страны, в Белом доме парламента было немало членов Союза писателей России. Писатели буквально сменяли перо на оружие. А вот «апрелевцы» влились в ряды противников, укрьившись за танками офицеров-предателей. Чем все закончилось - хорошо известно. И среди узников московских тюрем, и среди жертв расстрела Белого дома есть и писатели из моего Союза. Возимые «апрелевцами» штурмовики президента грабили писательские квартиры, дома творчества, редакции газет и журналов. Особняк Союза писателей России на Калусамальском проспекте, 13, был осажден по всем правилам бандаитской тактики. Михалков, Бондарев, Белов, Крпунин, Проханов, Бондаренко, Лалин, Таличов, Романов, Лыкошин, Иванов, Рогов и другие руководители Союза писателей России призывали своих сторонников к борьбе. Здание забаррикадировали, вооружились подручными средствами, перешли на катармичное положение. Неделю, прорывая осаду, жители окрестных домов носили писателям еду, поддлрживали их. К 1996-му страсти поутихли. СП России временно оставили в покое, понимая, что большинство не откокинулось наскоком, не слышит фразой в СММ. И мало кто замечил, что в российской литературе произошел исторически неизбежный перелом. Новые реалии обусловлены многими причинами. Главная - в либерально-буржуазных кругах любой ориентации осознали, что советской литературы

Руководитель Самарской писательской делегации, прозаик Александр Громов.

соцреализма и антикоммунизма (создаваемой эмиграцией) более не существует, и возврата к ней не будет. И нам - активно действующим сегодня, хорошим и плохим, талантливым и не очень, русским, евреям, таджикам, армянам, украинцам, чувшам, чукчам и т.д. - писателям русского «разлива», создавать ее заново, нести новое слово читателю, заново формировать его вкус, завоевывать души. Реальны для таковы, что практически все московские, «центральные» журналы и большинство газет - недоступны в российской глубинке. Они дороги (от 100 до 1000 руб.), подписка на них - дело нереальное. Наши книги - даже по себестоимости - недоступны среднему, массовому читателю. От Москвы до окраин к ним прилипает столько посредников, что даже «Муха-цокотуха» К.Чуковского теперь

полностью опущена с полки родителей. Не может быть она закуплена и школьными библиотеками. Да просто зайдите в них и спросите: в каком году было последнее поступление художественной литературы?! Взгляните на то, как наши библиотекари, потрепав ценники кля, пытаются спасти хоть часть фонда национального достояния, знаний! Нам читатель безнадежно заснул в году эдак 87-м, когда в последний раз библиотеки и домашние собрания пополнялись дешевыми «огоньковскими» изданиями, «Роман-газетой», журналами, книгами. Соответственно, литературное сознание среднего класса (а это 80% жителей России) все еще базируется на старых догмах, старом багаже. Молодое поколение обделено творческими «инженеров душ человеческих». Новое им недоступно, старое не интересно. На рынке потребительского спроса ума, сердца, мозга - американизированное потребление, низменность чувств, однодневки, штампы поведения личности, обезьянчивание. Я не ханжа. Я не знаю английского языка вообще. Но просмотрев первую сотню американских фильмов, «скачанных» делегатами от искусства, могу без перевода понимать и переводить диалоги героев, ибо набор их штампованных фраз не превышает двух десятков, повторяющихся весь фильм. Можно, конечно, и так - на примитивном уровне научиться общению с американцами: «Дай! На! Хорошая погода, не правда ли? Пока! Можно угостить вас обедом? Вы хорошо выглядите! Спасибо!» и т.д. Но ведь при этом не происходит духовное общение на уровне промышленности в культурную среду народа, обмен знаниями, традициями, бытом на уровне семьи, бизнеса, сотрудничества науки, искусства.

Итак, 1987-й... нас от него отделяет временной отрезок в 11 лет. Социально-культурный - в сотню! Династический - в двести лет! Другая страна. Другие ценности. Другие мы. Другие условия. К несчастью, другой

народ, его кумбура, либература. И все - сила! Не страсть, чтоб в «том мире» Россия была обделена всем. У нашего государства до 1991-го не было своей правящей партии (нет и сегодня!). Академии наук, исследовательских институтов языка, истории и культуры, мощных СММ, телевидения и радио, учебных заведений, театра, издательств. Все, сконцентрированное в Москве, принадлежало, без квот, всем советским республикам, всему народу. В равной степени (или, скорее, неравной) русскому, еврей, таджик, литовцу, узнику... Все это в большой степени функционировало по инерции и сейчас. Осознание СВОЕГО, только нашего - русского - еще не пришло. Всего, кроме Союза писателей России, мощного формирования, скроенного в 30-е годы и защищавшегося в «самоскит», только российскости все эти годы. Именно в этой структуре, в этом, имеющем опыт и традиции, формировании возникла сегодня исток возрождения нации, государства. Основу осознания себя отдельным сувереном, равноправным и могучим членом мирового культурного и экономического сообщества. Со своим голосом, своим достоинством, своим народом. Противоречие того, что есть, с тем, чего хочется, искривляет действительность. Как я уже упоминал, более всего в России процесс «прихватизации» ударил по русскому населению, составляющему 85 % от общего числа жителей страны. Национальные республики России по обоюдному согласию с Союзом писателей получили равные доли писательского издательства. И так, 11 % коренного населения Карельской автономной республики, например, обогнали 100 % общероссийского имущества писателей Карелии, выделенного на ВСЕХ, живущих в республике: журналов, издательств, домов, домов отдыха, оборотов, транспорта, фондов. И, Бог им в помощь! Мы не мелочны. Но, тем самым создан государственный перекосяк. Скажем, к тем, привычным «демократам» от либературы изданием, что я натолкал выше, прилагается еще нечистая десятка три да с половиной новых, созданных Соросом, букеровцами, березовскими... В самом мощном и истинно многонациональном Союзе писателей России осталось два-три слабых и слабых московских издательства и с десятком разоренных журналов и газет, живущих только за счет хозрасчета. Союз писателей России не получает государственных инвестиций с 1991 года! Нам пришлось половину своих помещений и сооружений сдать в аренду коммерсантам и банкам, существовать на их деньги и спонсорство. У самого многочисленного Союза писателей отборочные в равных долях на всех карликов: дома творчества, поликлиники, транспорт, издательские центры, помещения, базы. Но Союз писателей России жив и сегодня. Его организмы функционируют стабильно и мощно. Почему? Почему карликовые объединения литераторов, вставшие в себе модные имена, идеологизации, богатства СММ - не стали объединяющими центром России, собираем ее духовного возрождения, объединения интеллигенции, широких читательских масс? Ответ один - они остались без языка, без традиции, без опыта, без спроса всегда мыслящего и духовно богатого русского человека. Все их московские (т.н. центральные) издания не появляются за пределами

Участница
Димитровградского
литературного
семинара Татьяна
Старостина из
г. Отрадного, ныне -
член Союза писателей
России

Московской окружной автодороги. Ну кто из вас, дорогие мои земляки, читал, к примеру, журналы «Букер», «Сталица», «Новая юность»? Кто видел в продаже «Новый мир», «Знамя», «Октябрь»? Кто на них подписался, выложив при этом полугодовую зарплату? Их книги, обремененные печалью коммерции, доходят до нас уже помеченные заградительной ценой. О жизни карликов вы узнаете только из сочувствующих им телепрограмм. Согласен, что и издания Союза писателей России дороги. К этому принуждают нас полиграфисты и посредники. Да, наших газет и журналов тоже нет в многих киосках - тоже причина приватизации средств связи и агентств «Роспечати». Но в Димитровграде, Ульяновске и Самаре я сам покупал номера «Либеральной России», «Нашего современника», «Молодой гвардии», «Русского эха», «Москвы». В противовес одиозно национализированной «Литгазете» была создана А. Прохановым яркая газета «День», разгромленная в 1993-м. Она органично перешла в газету «Завтра», которую можно (!) приобрести в «Роспечати», которая доступна нам по цене. Книжки издавались «Олма-пресс. Русский проект», «Толос», «Молодая гвардия», «Современник», «Палев» - приваляло на прилавках книжных лавок. Карлики пытаются заманить вас именами уже либерально обанкротившихся эмигрантов: Автурханова, Аксенова, Войновича, Коржавина, Берберовой, Бродского, Владимирова, Тополя и т.д. Но их тема и мощностъ иссякли, они свои битвы на всех фронтах демократических преобразований закончили. А мирному созиданию в чужой для них стране - не обучены. И соседствовать с вами, узнавшими больше реального о сталинских концлагерях и зверствах большевиков, о вреях-облажниках от родины, о голыхках из диссидентских лагерей Польши и разложившейся дружневской команды, - им уже не с чем и нечем. Байки же земли обетованной, на которой жить они не собираются, предпочитая Брайтон-бич, нам совсем не интересны... Но есть и другая сторона антикоммунистического соприкосновения, осявая на Западе. Чья либеральна не прет массовым потоком из столицы, но воскребована российской глубинкой с большими либералы, ибо она нама и о нас. Зинovieв, Синяевский, Максимов, Климов, Суворов, Солженицын - продолжатели высших либеральных традиций и учение Куткина, Зайцева, Буркина, Набокова - живут уже в России или ведут покаянный, духовно возмущенный диалог со своим народом на темах еще близкие и покаянные. Импонирует мне и то, что во имя высших

целостей либерального мира наши русские «патриархи» добровольно, прочувствовав момент обновления и будущности в создании новой российской культуры, ушли с «генеральских» постов, оставив весь фронт борьбы и создания новому поколению писателей. Михалков, Бондарев, Иванов, Алексев, Марков, Викторов, Проскурин и др. как бы отошли на задний план, осознавая возрастной барьер между ними и новым российским читателем. Оставив свои имена на рубеже переждающегося поколения читателей. «Мавры» свое дело справили. Они отстояли позиции русской и российской литературы. В минуты борьбы не забыв возрастать, выдвигать нам своих последователей, создателей новой литературы в России. Союз писателей России - это сегодня союз единомышленников и реалистов. Идеология писательской среды проста и понятна. Если отбросить крайние фланги, то реально можно еще взять все лучшее, особенно в социальном плане, от бывшей социалистической эпохи. Воспринимать это со свободами человеческими, государственно ориентированным предпринимательством и национальной идеологией возрождения. Тогда мы можем увидеть еще мощную, свободную и обновленную Россию создателей. Именно в наш Союз вошла мощный и талантливый отряд русских писателей-беженцев из бывшего государства СССР. Никакие «апрели» и «независимые» не пожелали заниматься их проблемами. Я свидетель тому, как Юрий Васильевич Бондарев кропотливо и ежедневно занимался обустройством по городам и весям России своих обездомленных коллег. Мы знаем, что Ельцин лично трижды приглашал к себе Бондарева, льстиво утверждая, что тот его любимый писатель. Пусть бы и возглавлять руководителем Союза наград и премий новых, подачек от власти. Но в своем письме на имя президента Юрий Васильевич уточнил, что лично для себя он кормиться не ищет, а всем писателям России президент дать ничего не захочет, потому великий русский писатель не желает подавать руки предателю нашей родины... В наш Союз не закрываю дороги никому. В нашей книжной лавке можно увидеть издания как русских националистов, так и коммунистов, зыбковцев, яблочников. Союз реалистов - это прежде всего ядро творческой интеллигенции, объединяющей идеи, работающие на благо России. Понимая, что ставка на Москву в деле формирования новой российской национальной литературы обречена на повторение опыта в бывшем СССР, когда «классики» возвращались по крыльям ЦК КПСС изгнанными, Союз писателей России начал процесс возрождения от обломков. Именно российская глубинка сегодня, - где творят тысячи высокоталантливых писателей и литераторов, где местные власти готовы поддержать пусть малой возможностью идеи писательского сообщества, где ярче, крепче и быстрее произойдет признание основным российским читателем книжки своих земляков, - стала основой национального и культурного возрождения. Именно в русской провинции обострились патристические чувства народа. Здесь и больше здесь могут процветать таланты, которыми вновь предостойно прославить великую русскую литературу, спасти свой неповторимый язык. Поэтому по всем просторам России были возрождены и вновь открыты издательства,

литературные журналы, альманахи, стало проводиться больше литературных встреч, праздников, памятных дат. Отсюда пришли к руководству Союзом писателей Распутин, Белов, Романов, Ляпин, Переяслов, наш земляк В. Рогов... Имена русских писателей Бальшова, Кручина, Еременко, Мажаева, Лихоносова, Лоткина, С. Алексеева, Носова, Шугаева, Курчаткина, Кузнецова, Данилова, Краскова, Кочеткова, Пономаревой, Глушковой украшают нашу новую литературу, выходят на передовые позиции русской словесности. Мало-помалу из шкловских программ выходят русскоязычные по изложению и антирусские по духу произведения писателей из карликовых объединений: Искандера, Приставкина, Айтмазова, Цуцакова, Евбуриченко (Талица), Вознесенского, Рыбакова, Аксенова (Триниера), Войновича и т. д., не выдерживающих конкуренции с национальным духом русской словесности, с духовностью русского читателя, педагога. Вместо дорогостоящих и крикливых, зашугавленных космополитизмом, а иной раз и обремененно антирусских журналов, на прилавках в русской провинции появились и укрепляются спросом талантливо составленные возрожденческие патристические журналы: «Урал», «Сибирские огни», «Иркутск», «Дон», «Кубань», «Новая Кубань», «Русское эхо», «Волга», наши «Черешки» и «Карамзинский сад». Во многих провинциальных издательствах составляются программы сотрудничества с российским образованием. Теперь родителям предоставляется выбор: брать для своих чад дорогостоящие «кокошухи», которых гонят из Москвы, или - удешевленные книги местных детских авторов, созданные на основе истинно народных традиций добра и света, добротным русским языком. Активизировалась писателями краеведческая работа, сводящая глобальность мировых масштабов в историографии до детального познания истории родного края, родовых отношений, своего собственного прошлого, о котором нас забывают забывать. Не зря народом придумана книжка «Мваны, родства не помнящие»... А мы хотим помнить свое родство, учиться по своим учебникам, читать свою литературу, жить в своей стране. Которую, если мы не поднимаем и не обустроим, - никто за нас этого не сделает, видя в нас рабов. Шагнув в российскую провинцию, Союз писателей не раскатыл своей московской «центральной respeitability», своего авторитета, столичности. Наоборот, - приобрел весомости и талантливости за счет Распутина из Иркутска, Белова и Романова из Вологды, Сафонова из Рязани, Рашкова из Перми, Сироткина и Тронова из Самары, Белева из Казани, Мельникова и Никишиной из Ульяновска, Сухова из Нижнего Новгорода, Лихоносова из Краснодара, Звягинцева из Ставрополя, Козлова и Радзивилл из Санкт-Петербурга... Многие национально ориентированные литературные издания, сосредоточенные в Москве, не достигают пока провинции в силу закомплексованной чувственной инерции подлисков, космополитически наскороженных книжоторговцев, просто недостаточной ориентированности и нищеты российской педагогики, интеллигенции. Невостребованы нашими словесниками «Русская школа», «Дуэль», «Национальная газета»,

«Глагол», «Русские ведомости», «Русский вестник», «Отечество» и т.д. Хорошо осознавая это, и понимая, что возрождение русской родной литературы невозможно без обоюдного узнавания, наш Союз писателей уже сделал первые шаги навстречу провинции, где возвращается литературная нива России. В каталоге «Роспечати» появилось ново-старое народное издание «Роман-газета» с пометкой «XX век». С таким общедоступным по цене и ярким по содержанию ежемесячным журналом русская литература вступает в новое тысячелетие. Здесь будет собрано классика и эксклюзивы, серьезная, веселая, традиционная и молодая проза и поэзия. Мемуары, споры о новых книгах, размышления о настоящем, будущем известных писателей, православных пастырей, философов, памфилов. Другим серьезным делом в возрожденческом процессе стала работа секретарей Правления Союза писателей России непосредственно на местах. Это и выездные заседания секретариата, и литературные семинары, и традиционные литературные памятные дни, встречи с читателями, дискуссии. Дошла очередь и до нас...

На снимке: участник
литсеминара в
Димитровграде
ульяновский поэт Сергей
Гогин

Литературная соборность. Так можно охарактеризовать нынешнее состояние национального писательства. Карьерные писательские объединения не достигают, да и не будут достигать глубин Российского государства. Они выхолащивают себя и собственными итератами в столичной литературе, представляя перед обладателями русского читателями этикетными римскими патрициями, перестраивающими мир по своему космополитическому разумению, уничтожая, походя, национальные основы, державность, общность, дух патриотический. Насаждая абстракцию. «Сходки» же национально воспитанных писателей, по сути становящиеся вечевым собранием, высокоорганизованы, духовны, единомысленны. В этом общении, спорах, взаимопонимании, требовательности рождается новая российская литература. Прежде всего в великом понимании, осознании и поддержке писательского дела и дела - со стороны подлинных властителей-государственников. Большинство региональных писательских соборов поддерживают итераторами больших русских провинций. Самара, Нижний Новгород, Вологда, Екатеринбург, Краснодар, Омск, Иркутск, Казань, Орел, Карелия, Тимень - стали традиционными местами, где всегда рады писателям. Многие основополагающие идеи национального возрождения, проистекающие о жизнестойкости государства, духовное

предвидение были рождены на таких вот встречах. Одним из последних соборов, ставших краеугольным камнем в выработке национально ориентированной государственной политики, стала встреча писателей в Омске. Но не нужно думать, что глобальные культурологические веды обрабатывались только в известных российских центрах. Наш Союз писателей переманил и через элиту порог. Свидетельство тому, скажем, что литературные соборы прошли в Кинчу и Сызрани. Ежегодно - по поводу дней памяти величайшего русского поэта-песенника Алексея Фатьянова - проходя в Вязниках... Поступило предложение о включении в орбиту российских Пушкинских дней села Языково в нашей области. Подосел литературный собор и к стенам Димитровграда. Честь этого - исторически обусловлена. За свою 300-летнюю историю наш посад был создан как бы своеобразной гачей для посещения и обогащения многих передовых людей - просветителей российских из традиционных «губернских гнезд» Самары и Сибирска. Своеобразная природа и патриархальный помещичий быт влекли сюда политику, ум, сочинительство. От летописца Василия Татищева, князя Меншикова, графов Орловых-Давыдовых традиции эта перешла к идеологу русофильства С. Аксакову, своим поместьем располагавшим здесь Тригоровичи, Тургеневы, Сологубы. Заживали графы Лев и Алексей Толстые, Кораленко, Намировичи-Данченко, Тарин-Михайловский. Литературные места Причеремшья связаны с именами С. Денисова, А. Неверова, первой чувашской женщины-поэтессы Васса Аниси, Артема Веселого, А. Серафимовича, А. Трина, Я. Ташека, В. Багрова, В. Ширяева, А. Лебедева, И. Нурцалина, Х. Узе-Салимова, В. Рогова, А. Жукова, А. Саттарова, М. Хусаина. В нашем городе жили и живут члены Союза писателей Я. Рогачев, Т. Саитов, Евг. Ларин, А. Тарин, А. Белова, А. Никонов, Н. Ашева. И это вспоминается только «навскидку»! Культурная «обособленность» Димитровграда как бы выплывала в себя извне от Самары и Ульяновска, «вылавляя» здесь общероссийские значимые традиции. До октябрьского переворота экономически мощное купеческое сообщество нашего посада бережно обрабатывало Мелекесс: создавались школы, училища, гимназии, храмы, театр, дети посылались за образованием в вузы России. В гражданскую войну городок считался важным стратегическим пунктом у линии фронта. Красный агитпроп «овыл» у нас прочное «гнездо» народнораз. В годы второй мировой войны к нам были эвакуированы хорошие педагогические кадры в институты, театральная группа, вторая по значению в стране библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Особый культурный слой составили в 50-60-е годы ученые нашего НИИ атомных реакторов. И сегодня большие развития получили С.М. театры, эстрадные группы, шоу-коллективы. На фоне этого расширяющегося культурного поля произошло бурное прорастание литературных талантов. Если ранее любая литературно-книжная публикация была оговорена советными условиями, долгими временными рамками, - теперь в городе появились свои издательства, свои заказчики, своя особая литература Причеремшья, не похожая ни на самарскую, ни на ульяновскую. Многолетняя

и плодотворная работа городского ликобединения «Черемшан», базирующееся в редакции газеты «Димитровград-панорама» (ранее «Знамя коммунизма»), позволила местным талантам не только литературно образовываться, но и органично вписываться в действительность челяновской писательской организации. Правда, плод зблй творческой работы, заслуженной оценки и признания в профессиональных жгала десятилетиями. Заслужившие в своем творческом росте, не получившие прксектив «черемшанцы» постепенно становились либо завсегдаками на страницах местных газет, создавая для них стихи и злободневки «под литературцу», либо бросали занятия сочинительством, либо - отходили в мир иной непризнанными. На пути по зблйкой литературной гати в болотине социализма и централизма мы потеряли великолепного лирика и метафориста И. Башковцу-Беспалко, ярчайшую звезду на небосклоне русской поэзии - Дм. Лескина, мемуаристов Розина и Тордженко, отточенного до чеканности поэта Б. Корженевского, «нашего Тривина» - С. Кузьмина, - да мало ли кого... Вспоминаю, как в последние годы своей жизни ко мне в редакцию челяновского еженедельника заглаживал Александр Кузнецов. Человек удивительной судьбы, ставший литератором еще в 20-е годы, партизанивший в годы второй мировой в Белоруссии, талантливый рассказчик. В ту пору он уже был лауреатом литературной премии в Белоруссии, у него было в активе 5 томов книг повестей, романов, мемуаров, изданных за пределами области, а вот в Союз писателей он так и не был принят. И не столько даже из-за высоких критериев столичных изгров пера, сколько из-за равнодушия, неадекватности руководства областной писательской организации... Так, литература российской провинции, на которой базировалась «классика столичных социалистов», загнивала на корню, не обогащая ни читателя, ни советскую школу, ни общую ауру государственно ангажированной коммунистической культуры. Вместе с крахом «войны холодной» в мире началась отбитель и в писательских делах. Но, как оказалось, вместе с несостоятельной литературной социализмом, быстрым духовным и мировоззренческим, а главное - физическим, старением литературных «сталов», - мы оказались и перед фактами более значительными. Во-первых, читательская «отбитель» перед разветвившимся книжным рынком произведений, ранее достававшихся только номенклатуре. Во-вторых, - хлынувшая из-за рубежа переводная литература для небыскательного «совка от масскультуры». В-третьих, - писательские раздоры и их борьба за «водительство» в период демократии и навязывание чуждых порой ценностей русским потребителям бестселлерной махлатуры. В-четвертых, - что самое страшное, - отсутствие на российских провинциальных просторах литературной поросли, оккультивированной ранее. Сегодня мы имеем то, что имеем... Союзу писателей России, взвалившему на свои плечи и заботу о возрождении национальной литературы, и воспитание в молодых фержавы новых талантов, и дело просвещения и образования народа, - приходится непростой. Лишь благодаря поддержке новых властных кадров-фержавников, их пониманию идеи высокой духовности, их вниманию и подраш

писательских «засадных» полков в провинции, большое и трудное дело в России продвигается в будущее. Цели димитровградского писательского собора, вместившего в себя творцов из нашего города, Москвы, Самары, Ульяновска, Новокуйбышевска и Отрадного, были и амбициозные, и оправданные. Литературный семинар стал не только «чистилищем» для участвующих в нем авторов и их произведений, но и хорошей школой под водительством искусственных редакторов и критиков. Бранили и честили нас не ради «красного словца» - формировали большую ответственность перед словом, мыслью, темой, читателем. Предъявляли серьезные и большие литературные и профессиональные требования. Кроме того, семинар стал и базой для разных литературных школ и манер, разных карабасов, интеллектов, носителей уникальной информации. И, если малограмотные и недалекие люди видели в этом только писательский междоусобищник, жаждали утилитарного шоу, после которого обещается только вынужденный дух и вытоптанная стадом площадка, - то они не смогут и далее осознать разумного потока духовности, исходявшего от собора в Димитровграде. Поток, который не останавливать ценой электрических шок, бессмысленностью суперконкурсов, - он основательно и надолго совершил переворот в душах писателей. Освещ, одухотворил наших сторонников. И если за каждым писателем, за каждой его новой книгой, его словом стоят тысячи сознательно выдрвавших ЭТОТО в литературе, приспущивающихся к творцу, - то только так и здесь мы сможем зажечь новый светоч знаний для нашего народа. Как пишет в своей книге «Полюсик» участник семинара в Димитровграде, поэт из Самары Володя Клименко (кстати, работник областной Думы): «Есть идеи и есть идеи, Есть делшки и есть дела, Есть праходы и есть лазейки, Есть саловы и перепела. Есть пороки и идеалы, Есть безмолвие и молва, Есть воспитанные и нахалы, Есть словечки и есть слова. Есть общественное и личное, Есть поверхность и ... со дна, Есть первичное и вторичное. Только Правда всегда - одна!» Если сложить в штабик виде все то, чем занимались писатели Средней Волги в Димитровграде, то лучше, еще не скажешь! К большому моему огорчению наши соседи представили в Димитровграде (в номинации «Поэзия») не все лучшее, что сложилось за последние годы в Самарской области. Разве что за исключением насбедра и философа стихотворения Вл. Клименко. Однако лавров во всыскабельном обсуждении он не осыскал. Было принято решение об участии Клименко в еще одном семинаре с новой книгой стихов. А до того его прием в члены Союза писателей России отложен. Вот в чем повезло нам - хозяевам собора, - так это в оценке «высшими литературными судиями» творчества и многодеда димитровградцев. Любопытнейшее «Черемшан», через горнило которого в той или иной степени прошли все нынешние писатели нашего города, составившие в Димитровграде профессорское писательское объединение Союза писателей России, впервые за полувековую историю получили признание на самом высшем уровне. В рамках собора в Причеремшанье было проведено и заседание секретариата Правления Союза писателей России. Руководители главного

писательского братства страны дали высокую оценку работе, проводимой в литературном деле нашего города. Впервые представителями центра была отмечена традиционная приемственность прикамской литературы. Наш город как бы был включен в главные литературные центры России, как самостоятельное и самобытное образование. Было определено и писательского отделения как самостоятельно и заслуженно функционирующего литературного центра в Среднем Поволжье. По самому высокому счету оценено качество работы городских властей и особо - Главы города В. Паршина, - по духовному возрождению общества, по созданию новой высококачественной национальной культуры. В дальнейших планах Правления Союза писателей России - проведение у нас Пленума СП РФ, - а это большое доверие. Конкретно, на выездном заседании секретариата были приняты в СП твое димитровградских авторов: Александра Белова, Александр Никонов, Нонна Ашвацц, если первых двоих принимали в подтверждение ранее принятого решения областной писательской организации (для сокращения сроков прохождения документов в московских писательских комиссиях), то Ашвацц стала открытием непосредственно самого литературного семинара. Кроме того, критики из Москвы рассмотрели представленные рукописи димитровградцев Павла Слюзьева, Людмилы Тереховой и Елены Новоселовой-Мельниковой. Молодые авторы получили за свою творческую работу профессиональную, положительную оценку.

Участник заседания секретариата Правления Союза писателей России в г. Димитровграде, наш поэт, прозаик и краевед, член ДПО Феликс Касимов

Вопрос о их приеме в СП РФ обложен до выхода в свет очередных книг и участия в очередной зональном литературном семинаре. Но одно то, что еще двое из талантливой семьи димитровградских литераторов стали кандидатами на признание их профессионализма и звание писателя, - говорит о высоком уровне нашей подготовки. Писательскому отделению города рекомендовано также подготовить и рассмотреть вопрос о приеме в СП РФ профессионально работающего в литературе димитровградского прозаика и краеведа Феликса Касимова, чье творчество москвичи рассматривали вне конкурсной программы семинара. Для сравнения скажу лишь, что из шести самарских авторов полное одобрение получили двое. Из четырех ульяновцев - двое. Особую и добрую зависть у наших соседей и похвалы москвичей вызвали представленные на секретариат СП РФ димитровградские издания наших авторов за последние три года. Это достижение в области создания литературных произведений, а главное, - выхода их в свет на местных издательских и полиграфических мощностях и по качеству того и другого не уступающие столичным, было отмечено особо. Ни Самара, ни

Ульяновск пока не сумели достигнуть такого взаимопонимания между властями, творцами, издателями. И, если это не итоги и не оценки сделанного нами в музеев российской для возрождения национального духа и культуры, - пусть читатель «кинет камень» в автора этого отчета. Кроме знакомства с городом, посещение руководителей города и думельной беседы с первым заместителем Главы - В. Малиновским, председателем горсовета В. Безруковым, начальником управления по делам культуры и искусства А. Воронинным, депутатами А. Беловой и М. Карпенко, обширной пресс-конференции гостей с представителями городских СМШ, творческого вечера-отчета в библиотеке НШМА, - все мы стали участниками торжеств, проходивших в Ульяновске и посвященных 50-летию создания в области писательской организации. Большой литературный собор и праздник в столице области стали заметной вехой в культурном общении жителей Средней Волги. В Ульяновске к нам присоединились коллеги из Сызрани и нашего областного центра. На наших встречах с читателями, представителями творческих союзов, интеллигенцией буквально яблоку негде было упасть. И это еще одна - главная - оценка деятельности Союза писателей России. Как бы выражая наше общее отношение ко всему, что творится сегодня в стране, надеясь на возрождение национальных сил творцов, государственной идеи возрождения, наш руководитель, секретарь Правления СП РФ, поэт Геннадий Иванов написал: «Помалки, не говори, довольно. Душу мне не надо беречь. О России думать больно, А не то что говорить. За окном лунет день весенний, Лучше о весне поговорим. Неожкуда ждать пока спасенье. Что без боя завтра отдадим?»

И вечный бой... Он не утихал веками на святой Руси, нашей родине. И, если не говоря пущи, если не рожать там на Крымском мосту, если не зарпужен толпой Васильевский спуск к Кремлю, если день обошелся без похищения людей в Чечне или Дагестане, - значит слово береть муты. На сей раз линия фронта битвы за Россию проходила в Димитровграде. Битвы за сердца, умы, души наших земляков, всех народов страны. Битва Великой Почты и Океана. Битва державников, патриотов с западничеством. Наше писательское слово многогласным эхом отзывалось среди средневожцев. И я не вправе не назвать тех воинов писательского ополчения, которые вели этот незримый бой. Это творцы новой российской литературы: Н. Переяслов, Т. Иванов, Н. Данилов, А. Тер-Маркьян (г. Москва); А. Тронов, Б. Сироткин, Д. Агалаков, И. Войтов, В. Кименко (г. Самара); А. Авраменко (г. Новокуйбынск); Е. Мухин, М. Старостина (г. Отрадный); В. Трошин (г. Сызрань); С. Матлина, Е. Подрез, С. Токин, В. Карпущов (г. Ульяновск) и мы - димитровградцы. Предвосхищая вопросы наших читателей, которые хотят знать, о чем же то, что мы называем новой российской литературой, то, что творится на благо одухотворенной России, я должен назвать имена тех, кто незримо стоял за нашей спиной, кто словом и делом крепил духовную силу нации. Во всех уголках нашей родины. Для каждого из нас - В. Ганичев,

В.Кручин, И.Ляпин, В.Рогов, В.Распутин, В.Белов, Дм. Балашов, Т.Семенов, И.Шафаревич, М.Варфоломеев, О.Шестинский, Ю.Лощин, М.Лыкошин, В.Костров, Ф.Чув, Б.Рыбаков, М.Танина, Т.Тмушкова, А.Ливанов, М.Наткин, И.Евсеевко, Э.Лимонов, Ю.Ворожьевский, Ю.Сбышев, С.Залыцев, В.Кочетков, А.Иванов, В.Карлов, Л.Бородин, Б.Примерлов, Т.Торбовский, Т.Ступин, Ст.Куняев, О.Бородин, В.Чебынов, В.Бущин, В.Пронин, В.Соколов, В.Широков, В.Тусев, А.Синцов, В.Тельтугов, В.Воробьев, Н.Шенков, Л.Котюков, Л.Лавинский, Л.Аннинский, В.Розов, В.Шаломникова, В.Борков, В.Скир, Ю.Палаев, В.Бондаренко, А.Траханов, Евг. Неродов, А.Тимонин, В.Хайратов, И.Лощин, А.Лыков, В.Личутин, О.Журавлева, С.Есин, А.Яковлев, Е.Исаев, Н.Травкин, В.Малышев, О.Радзивиц, Н.Конаев, Н.Беседин, А.Брежнев, В.Талакимонова, А.Боголов, В.Коростелева, И.Скворцов, А.Иванов, П.Проскурин, В.Алексеев, В.Труссаков, А.Огнев, В.Меншиков - именно такие воины земли родной. Нас тысячи. Во всех концах родины. Далеко или близко. С нами - миллионы не падают на колени земляков и братьев. Вместе - мы сила, подтверждающая мать-Россию.

В.Гордеев, русский писатель.

**Светлана
МАТЛИНА**

СТАНСЫ

*Цикл
стихов*

ЦЕРКОВКА В КИЖАХ

*В синем мареве - церковка синяя.
После дождика сильно парит.
Луг зеленый, ромашки российские, -
Так красиво, что сердце болит.*

*Боже праведный, пусть непогодится,
Сохрани ее, пожалей,
Деревянную Богородицу,
Свет заплаканный из Кижей!*

*Ее строили в звонкой отваге
ах! - целующим топором!
И руками водил архангел.
Но сначала - в сердце своем!*

*Пусть не вспомнят имени-отчества,
Пусть глаза ответут в ковылях,
Но останется русское зодчество
Среди брани нетленным в веках.*

*Я не знаю, что будет с Россией.
Если ж всем нам гореть в огне -
Пусть останется церковка синяя
у архангела во руке!*

ДОМ ТВОРЧЕСТВА В ПЕРЕДЕЛКИНО

Переделкинская тишь.
За расплесканным закатом
Не увидишь блеска крыш,
Выси соснами объаты.

В здешних ливнях травяных
Я бродить свой век готова,
Среди сосен голубых
Вспоминая Комарово.

Только там песок шелков
И хвоинки пахнут морем.
Здесь земля - в зеленом боре,
В белых зонтиках цветков.

Но посмертно даль и близь
Побратались крестами:
Спит на взгорочке Борис,
В Комарове - отдых Anne.

Ветром тронутый камыш,
Окон желтые рассветы...
Переделкинская тишь.
И опять не спят поэты.

ПАСТЕРНАКОВСКИЙ ЖАСМИН

Все-то жалобится в лето -
под мосточком, под травой...
Непроста ты, речка Сетунь,
с обмелевшею судьбой!

Речка Сетунь, перед Богом
ты не сетуй на судьбу:
у тебя под белым боком
тихий свет лежит в гробу.

Вот стою я у могилы,
ведь поэт поэту - брат,
и по-родственному мил мне
кровью хлещущий закат.

**Принесла сюда с отрадой,
как привет и как помин -
пастернаковского сада
белый, ангельский жасмин.**

**Сетунь, Сетунь, вкривь и вкось ты,
как юродивый босой...
Но зато какие грозы
тут гремели над тобой!**

**И такие ль силы ночью
нисходили с облаков
на оставленные строчки
неприкрашенных стихов...**

**Вот стою я у могилы,
перед Ликом бытия.
Но над всем, что есть и было,
плачет музыка моя.**

**Все стирает память мигом.
Не забудется один
пламенеющий и тихий
пастернаковский жасмин.**

В ЛЕТО ГОСПОДНЕ...

**В это лето Господне случилось так
много печали.**

**В день святых всех Москвою промчался
большой ураган.**

**И об божьего гнева кресты со церквей
послетали,
И погнулись, а главный собрали потом
по кускам.**

**От нещадного солнца повыжглись
поволжские пашни.**

**Поезда разносили молву, что все наша
вина,**

**Что карает Господь за грехи
превеликие наши,**

**И недобрый то знак: будут засуха,
голод, война.**

**Храм Спасителя золотом также
лучится наутро.**

**И я вслед за другими вошла: ароматы текли,
И блистая английским, твердил переводчик кому-то,
Что такое сей храм для моей горемычной земли.**

**Бирюза с позолотою в трещинах, черный и древний, -
С чудотворной иконы так страшно взирал Николай...
И за ним мне привиделись ропщущие деревни,
Где ни пенсий не жди, ни зарплат, и народишку - край.**

**Изнутри мир и свет шли: Христос и Мария сияли.
И душа заметалась меж ликов, между рубежей:
Детский страх и ласкающий свет ее тотчас объяли,
И последний, по счастью, был все же родней и сильней!**

**А снаружи, как колокол, люд раскачался, рыдали,
Что рассыпалась Русь без хозяйской руки, без гвоздя.
А строители хмурые храм возводить продолжали,
Утираючи с лиц, - ах, ты! - первые капли дождя.**

**И спасемся мы чудом, а чудо творится беспечно.
И я знала уже, что теперь только веруй и жди.
Я вернулась на Волгу - и первый прохожий при встрече
Мне с улыбкой сказал, что на землю упали дожди...**

**И еще выживается как-то среди безобразий,
Помогая другим после алчных, забывших про стыд.
Потому что осталась стоять я во храме прекрасном
И пред ликом Христа моя малая свечка горит.**

СТАНСЫ

**Мне по душе
медвежини ухватки
моей страны.
И горьковато-сладкий
дымок из труб.
По снегу -
скрип полозьев.
О, многоцветье
жизни -
на морозе!**

**О, лица тихие,
со стужи огрубелые,
и как березы
вдоль проселков -
светлые!**

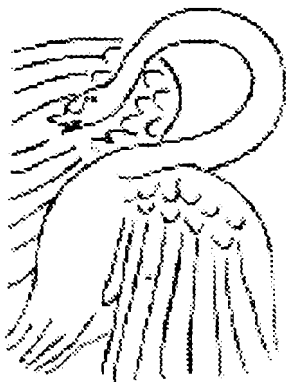
**И вся сердец их
нежность
ненатужная,
с которой отлетает
все ненужное.**

**Мне нравится здесь
жить
без громких слов.
И то, что под шарманку
злых снегов
тут можно все:
и вешаться,
и плакать.
И то, что я умру тут
как собака.**

**Целую я
сквозь пот
или сквозь слезы
смертельные
и сладкие морозы,
всю эту землю,
что лежит окрест, -
я доползу,
я зверь из этих мест.**

**Хоть из капкана,
чистый снег рябя,
я прогрызусь,
я доползу, любя...
Я каменная баба.
И за мной
голодных детских ртов
роится рой.**

**Я северная баба.
Мать Оранта
с воздетыми ладонями -
охрана
всему живому.
С непростой судьбой.
Имею право
быть сама собой.**

Александр НИКОНОВ

ПОБЕГ

— Повесть

(журнальный вариант)

1.

На песоповале срубленной сосной накрыло заключенного Бутрова, переведенного в зону из номерной спецтюрьмы месяц назад. О несчастье возвестил высокий, протяжный стон пострадавшего. Не обращая внимания на окрики охранников, к месту происшествия сбегались эски и окружали его плотным кольцом. Обнажив головы, они молча и тяжело вздыхали. Некоторые тихонько переговаривались. По лагерным правилам до прибытия начальника охраны или заместителя начальника лагеря никто ничего не должен был трогать. Но двое вышли в круг. Седоволосый, худощавый очкарик обратился к окружившим:

- А ну, мужики, помогите.

И первым ухватился за обломившийся сучок. Все замешкались, виновато пряча глаза, - никому не хотелось сидеть в одиночке за нарушение режима. Но подошел один, второй, третий... Сосну приподняли и оттащили в сторону.

Бутов вскрикнул, тяжело вздохнул и часто задышал. Очкарик наклонился, осторожно растегнул одежду на животе Бутрова и покачал головой.

- Финита ля комедия, или около этого. Посторонитесь! Посторонитесь! Больн... Раненому нужен воздух. Ну, поскорее же!

Его суетливость после первых слов выглядела смешной и нелепой, но заключенные раздвинулись, образовав проход, и очкарик успокоился.

Скоро затарахтел мотор грузовика, и в зоне появился начальник охраны. Он дал отрывистую команду, и охранники стали загонять заключенных в огороженный высоким частоколом зоноприемник. Несмотря на угрозы, заключенные повиновались нехотя, потому что знали, что еще вчера всех сторожевых собак увезли на прививку к ветеринару.

Через несколько минут появился вызванный по телефону заместитель начальника лагеря майор Петрунько. Начальник охраны шагнул ему навстречу, не по-уставному, испуганно доложил:

- На территории зоны номер два ЧП, товарищ майор. Сосной придавило заключенного...

- Что с ним? - перебил Петрунько.
- Плохо, товарищ майор, сучком ему живот вспороло. Но еще живой, дышит.
- Караульная машина здесь?
- Так точно.
- Немедленно отправьте в санпункт.
- Есть! Сержант Васенин, ко мне! Отберите-ка там троих, нет, четверых, - приказал он подбежавшему охраннику. Сержант вытопкал из зоноприемника четверых.

Они представились:

- Вязень Кринко.
- Заключенный Егоров.
- Заключенный Балабин.
- Заключенный Коноворов.
- Это что еще за "вязень"? - строго спросил майор.

За Кринко ответил сержант:

- Хохол он, товарищ майор.
- Отправляйте.

Четверо осторожно подхватили Бутова и понесли. Когда проходили зоноприемник, заключенные заволновались:

- Так нас всех здесь передавит! Зону надо расширять, а то деревья прямо на головы падают! Когда же к нам по-человечески относиться будут?!

Когда вышли за ворота, шум за спиной еще больше усилился. Рыжий Балабин оглянулся раз, другой и прошептал:

- Братцы, конвоира-то нет.

Хохол Кринко притворно занял:

- Як же ми один-то, без пастуха, а?

Балабин в ответ злорадно хекнул:

- Хе, тебе, Кринко, что с пастухом, что без пастуха. Куда ты потекаешь, у тебя штаны-то на пямке держатся. Побежишь, а они сползут, тут тебе и хана.

Добродушный рыхлый детина беззлобно отозвался:

- Тоби гарно, Балабин, ты маленький, як гнида, тоби и рукавички на штанцы хватит. А мени мати три дня родила, потому что був я полпуда весом. Наша промышленность не сделала ишо таких выкровок, щоб на мене штаны шить. Вот я и вырезал их з мешка.

Егоров не вытерпел, шикнул на них:

- Да замолчите вы, нашли время языком трещать. Человек кровью истекает, а вы о портках.

Балабин ответил:

- Ему все равно пучше, чем нам.

- А ну, Хведя, объясни, отчего пучше? - спросил Кринко.

- А оттого, что ему не придется больше вшей и комаров кормить. В худшем случае полгода в базарете проваляется, в лучшем - расстанется с этим подлым белым светом.

Балабин оглянулся еще раз.

- Ей-бо, братцы, а пастуха-то нет, может, тиканем, а? - и засмеялся, нервно и тихо, не разевая рта.

Грузовик они нашли за огромным штабелем дров. Шофер, из вольнонаемных, дремал в кабине. Услышав голоса и шорох сухой коры под ногами, он неохотно зевнул, потянулся и выпел наружу. Видно, о происшествии он уже знал и теперь недовольно ворчал:

- Вот, мотайся туда-сюда, а зарплата у меня, между прочим, одна. Ну-ка, ты, - он остановил взгляд на Балабине, - набросай лапнику в кузов. Человек все же...

- Был людина, а стал зека, - ухмыльнулся Кринко.

Они осторожно положили Бутрова на землю, но Балабин не тронулся с места. Шофер осторожно напомнил:

- Ну, давай, давай.

- Да пошел ты к ... матери, - огрызнулся Балабин. - Сходишь сам, не переломишься.

Шофер побледнел, губы его задрожали.

- Ты матушку мою не трогай, понял!

Быстро подойдя к Балабину, он взял его за грудки и притянул к себе. Но Балабин одним молниеносным движением ворохнул плечом и шофер отлетел метра на три. Зло сплюнув, Балабин сказал:

- Вша, еще кусается. Ты знаешь, падла, кто такой Балабин?! Такие, как ты, в шавках у меня бегали.

Шофер встал, отер рукавом окровавленную щеку, быстро подошел к кабине и стал там чего-то искать. Не спеша вытянул из-за сиденья заводную ручку и, перехватив ее за прямой конец, двинулся к ним, повышая голос от слова к слову:

- Нет, это ты пойдешь, сволочь. А я от машины не отойду, понял!

Балабин, видя, что дело принимает нежелательный для него оборот, а может быть, огорошенный неожиданным отпором со стороны худенького, плугавенького мужичишки, сложил на груди умоляющим крестом руки и молча пошел за папником. Когда Бутрова погрузили, шофер спросил:

- А конвой где? Мне что же, одному там его на себе тягать?

- Может, сбежать? - с издевкой спросил Балабин. И этот вопрос, не без расчета, заставил шофера задуматься.

Лагерь был усиленного режима, но режим этот ввиду удаленности от населенных пунктов часто нарушался. Сначала за водой, продуктами и вещами ездили охранники, потом это стали поручать заключенным, которым доверяло лагерное начальство. Правда, при этом всегда приставляли охранника. Ничего чрезвычайного не происходило, и этот порядок постепенно утвердился, и никто не думал, что может быть иначе.

В эту минуту в кузове завозился Бутров, часто задышал и что-то крикнул - не разобрать что. Этот крик как бы разбудил шофера, рассеяв последние его сомнения, и он махнул рукой.

- Ладно, время дорого, довезти бы... Давай двое в кузов.

Егоров дернул Конова за рукав.

- Поехали?

Но перед ними, уперев руки в мощный торс, встал Балабин.

- Куда? Слышь, Гриш, советским работникам посачковать захотелось. Поедем мы, - не без значения добавил Балабин, а Кринко хлопнул ладонями и попез наверх.

- А вы идите, товарищи советские начальники, поломайте свои белые рученьки, пока ножки целы. Как, Гриша, пусть товарищи останутся на передовом фронте? Ну вот, мы разрешаем. Ха-ха-ха...

Его издевательский, злорадный смешок еще долго доносился из удаляющейся машины.

2.

В лагере существовало неписаное правило - за что осужден, не рассказывать. Об этом предупреждали новичков, поступающих с этапа:

- Слушай, не мутит душу. Может быть, все, что ты ни расскажешь, и правда, только тебе никто не поверит. Каждый из нас адвокат, но мы еще не видели среди нас прокурора.

Если среди новичков и появлялся желающий излить душу, уркаганы его на ночь сажали под нары, заставляли сидеть на полной параше и вообще окружали таким отчуждением, что он сам подавал рапорт о переводе в другой отряд или становился постоянным "извозчиком", перевозившим паханов с нар на нары, или его превращали в "маньку".

Однако заключенные безоговорочно верили сведениям из вторых уст. Откуда они поступали, никто не знал, но это было лучшей гарантией того, что предмет разговора даже среди самых оголтелых рецидивистов чувствовал на себе уязвление.

Таким человеком был Георгий Михайлович Бутров. Первые сведения о его дозонной жизни распространились с появлением в другом отряде новичка, который, якобы, был личным водителем полковника Бутрова и который попал в лагерь полгода спустя после Георгия Михайловича. По этим сведениям полковник Бутров командовал войсками в одном из южных округов, перед этим воевал на Дальнем Востоке, в Испании, и неожиданно быстро, за год с небольшим, поднялся до генеральских вершин. Подчиненные любили его и боготворили, как можно только любить и боготворить героя Испании. И не только слава боевого командира создавала вокруг него ореол обожания. Сам выходец из низов, Бутров был простым в общении с офицерами и красноармейцами, по-деповому въедлив и строг, любил и понимал шутку. Буквально за год соединение, которым он командовал, из отстающих превратилось в одно из самых боеспособных в округе. Как он этого достиг?

Вероятно, именно этот вопрос был причиной появления в соединении Бутрова маленького, юркоглазого капитана из штаба округа. Никто не знал, каковы были его обязанности, после представления "самому" он появлялся на учениях, в казармах, у походного костра, и как-то незаметно влился в общую солдатскую массу. Капитан был улыбочивым и веселым, быстро находил общий язык с рядовыми красноармейцами, подолгу сидел у штабистов и интендантов, развлекая их солеными анекдотами и виртуозной игрой на бильярде. Не гнушался он компаний и вне службы, всегда был душой застолий и разговоров. А потом этот веселый капитан, который успел всем полюбоваться, неожиданно исчез.

О нем все уже забыли, когда через месяц полковника Бутрова вызвали в штаб округа, откуда он не вернулся.

К таким арестам привыкли с тридцать седьмого, хотя, казалось, привыкнуть к такому невозможно. Обычно они проходили по ночам. Человек исчезал, вызывая различные толки и предположения в кругу родных и друзей. С Бутровым поучилось иначе. Семей обзавестись он не успел, по поводу ареста провели разъяснительную работу в подчиненных ему войсках и объявили его врагом народа. Поэтому беспокоиться о нем было некому.

Но чекисты допустили одну оплошность. Они забыли о шофере, который, будучи человеком дисциплинированным и аккуратным, прождав целый день своего командира у подвезда, забил тревогу. Его с сочувствием и пониманием выслушали в штабе округа и пообещали разобраться. Во второй раз в штаб шофера не пропустили, караульный на вопрос "Почему?" отвечал заученно и упрямо - "Не положено". К поиску Бутрова он подключил бывших сослуживцев полковника, которые имели определенный вес и влияние. Но у многих из них вдруг появились недомогания и срочные дела. Те же, что пытался что-то сделать для Бутрова, оставляли это после первой же попытки. В отделе НКВД шоферу ясно дали понять, что если и он будет поднимать шум, то не поздоровится самому. Но парень оказался настырным и неутомимым, он закидал рапортами вышестоящие инстанции вплоть до народного комиссариата обороны. Но ответы были расплывчатыми или их не было вовсе. По полкам, которыми командовал Бутров,

поползли слухи и кривотолки, многие подразделения писали коллективные рапорты с требованием возратить полковника Бутрова на прежнее место службы. На этот раз командующий округом лично вызвал шофера к себе и объяснил, что не в силах чем-либо помочь Бутрову, что, будучи в Испании, Бутров состоял в сговоре с итальянскими фашистами, он объявлен врагом народа и осужден военным трибуналом к длительному сроку заключения. Вскоре после этого разговора упрямый шофер исчез.

Бутров и в заключении не потерял своего обаяния и мужества. На грубости охраны и лагерного начальства он умел отвечать с достоинством и потому среди заключенных пользовался непререкаемым авторитетом "генерала в законе". Даже рецидивисты и бандиты, не терпящие в своем кругу пришлых вожakov, постепенно смирились с такой ролью Бутрова.

От него веяло надежностью, честностью и неподкупностью. Вероятно, эти качества постепенно и сгруппировали вокруг Бутрова тех людей, которых объединяли общность стремлений и мыслей. В основном это были бывшие советские и партийные работники, активисты и воры от власти. К этой группе примкнули и Егоров с Коноровым, так они и сблизились.

Собрания группы больше походили на тайную сходку, какие происходили в России в предреволюционные годы. Обычно они собирались в барачном пристрое, где сушили рабочую одежду. Перед дверью выставляли охрану из двух-трех человек, которые в случае, если в бараке появлялось лагерное начальство, подавали сигнал об опасности. На этих сходках не любил говорить о болячках. Но разговор так или иначе замыкался на той, долагерной, жизни, когда каждый из них был счастлив работой, радостями и огорчениями, болями и трудностями, общением с родными, друзьями.

3.

Через неделю после памятного дня 1941 года весь штат номерной спецтюрьмы ликвидировали и отправили на фронт, а политзаключенных перегнали в соседний лагерь усиленного режима, чтобы они "не даром ели харчи".

Второй месяц шла война. И потому прежние разговоры сменились на эту болючую тему. Даже отпетые уголовники, съевшие не одну тонну казенных харчей, поносили Гитлера, нарушившего их мирную лагерную жизнь, потому что и без того жидкий паек недавно урезали ровно наполовину. Вести, скудные, больше сплавные и шапкозакидательские, редко доходили сюда. Визгливый, истеричный молодой капитан, или по лагерному "поп", на политзанятиях говорил мало и обще:

- Красная Армия временно отступила в глубь территории нашей Родины на заранее укрепленные позиции. Вот-вот настанет час, когда наши доблестные войска вышибут фашистские полчища с родимой земли...

Но не все служащие лагеря были такими. По их лицам, недомолвкам и излишней скрытности заключенные догадывались, что на фронте не все падно. Чем больше скрывалась правда, тем острее заключенные воспринимали случайно оброненное слово, в сортах подбирали каждый клочок загаженной газеты, прислушивались к сообщениям по радио, которые доносились из-за закрытых дверей канцелярии. Из этих отрывочных сведений получалось, что немец рвется уже к Москве и Ленинграду, ходили слухи о сдаче целых армий в плен врагу, об окруженных частях, застрявших в песках Украины и Белоруссии. Недавно охранникам выдали винтовки старого образца, сократили пичный состав караула, несколько офицеров отозвали в округ. Все понимали, почему это происходит.

Коноров с Егоровым часто уединялись и говорили о том же, что и все.

- Как там сейчас? - вздыхал Егоров.

- Эх, самому бы туда. - Коноров напрягал огромные кулаки так, что они хрустели. - Дали бы мне винтовку и сказали: слушай, Коноров, укокошишь десатерых - и ты с советской властью в расчете, а погибнешь - туда тебе и дорога. Я бы согласился, Егорка, честное слово. А ты?

- А что я? Оно, вроде бы, умереть там благороднее, там у тебя имя есть. А здесь что: сдохнешь, закопают тебя в тайге и хорошо, если номерок над головой воткнут. Только никто нам оружие не доверит, Миша, потому что мы сам знаешь кто.

В бутровской группе подобные разговоры возникали все чаще и настойчивей. Были даже такие, которые в официальном порядке подавали заявления об отправке на фронт. Но лагерное начальство реагировало на это так:

- Вы что, с ума посходили! Чтoб больше таких разговоров не было. Уж не прикажете ли под конвоем вас в бой вести? Ишь, герои какие выискались! Пятнадцать суток шизо для размышления! Увести!

Самые горячие головы предлагали побег, но Бутров сразу отвергал такие предложения:

- Нет, друзья, это не годится. На кого же мы тогда будем похожи, а? На беглых каторжников, на разбойников с большой дороги? Ведь мы же русские люди, попали сюда за вольную или невольную вину и каждый, как честный человек, должен поступать по честному. Если уж добиваться своего, то надо просить, убеждать, требовать, доказывать, наконец, что мы тоже с оружием в руках можем защищать нашу страну, что не такие уж мы подонки, чтоб не доверить нам защищать самих себя! Только так, иного пути нет.

Некоторые Бутрова не поддерживали:

- Глупости все это, упраскивать, доказывать. Разве им можно что-нибудь доказать! Нас здесь врагами народа считают, а вы надеетесь, что нам доверят фашистов бить? Да никогда!

- Да, оружия нам никто не доверит, одно слово - зека.

- Не скажите, - возражал Бутров. - Я человек военный и вижу, что наши дела на фронте, судя повсему, неважные. Враг силен и хорошо вооружен, поверьте мне, я это хорошо испытал на своей шкуре еще в Испании. Значит, нам нужно оружие, - злую силу считают только силой. А к оружию - воин. Вот и соображайте.

- Как думаете, Георгий Михайлович, Москву отдадут? - спросил кто-то.

Бутров задумался.

- Ответить трудно, даже невозможно. Представьте себе такую картину: забрался к вам вор. Пока он еще на огороде, вы думаете: авось, походит да уйдет. Но вот вор зашел во двор и начал шарить по хлевам. Что вы будете делать? Или дубинку возьмете, или ружье. Тут вор стал врываться в дом. Как вам это понравится? То-то же. Так и на войне. А Москва - наше сердце, а сердце свое никто даром не отдает.

Помолчали, каждый подумал о своем.

- А побег - это авантюра. А авантюры всегда плохо кончались. Допустим, кто-то из нас убежит, его рано или поздно поймают. У других же не останется ни одного шанса, чтобы пегально попасть на фронт.

Мужики надолго затихали, остывая от внутреннего распаленного чувства. Одни внешне примирялись, пряча свои желания, другие не скрывали своих стремлений, но слова Бутрова заставляли думать каждого.

4.

Егоров больше соглашался с Георгием Михайловичем, хотя внутренне и колебался. Но сейчас, когда рядом не было Бутрова и они сидели с Коноровым за зоной охраны, в нем вспыхнул буттарский огонек. И не вдруг - это почувствовал и Коноров - Егоров сказал:

- Миш, о нас, похоже, забыли. Мы уж сколько сидим, а никто не хватился. С чего бы это, э?

Коноров подозрительно посмотрел на своего друга, который почему-то отвернулся, и вдруг зашептал прямо в ухо Егорову:

- Бежим, Егорка! Больше такого случая не будет. Слышь? - он показал в сторону зоны. - Работать начали. Наверно, думают, что мы Бутрова уехали сопровождать. Ну!

- Ну что ну? - Почему-то тоже шепотом ответил Егоров. - Куда побежишь-то, кругом тайга. Без еды? На авось? Куда кривая выведет? Да нас волки в первую же ночь сожрут.

- Ну и черт с ними, с волками, - чуть не закричал Коноров. - Слушай, Егорка, если ты не побежишь, то и мне нелзя. Ведь замучат тебя расспросами, да и Балабин с Кринко знают, что мы вдвоем остались, как пить дать шестерят перед начальством. Ну, думай! - почти приказал Коноров. Но Егоров ответил вопросом:

- Как считаешь, через сколько они вернутся?

- Кто?

- Ну, Балабин с Кринко.

- Думаю, часа через два, не раньше.

- Два часа... Егоров задумался. - Пусть попора. Кипометров за десять уйти можно, к тому же, и собак у них нет. Бежим, Миша. Попытка не пытка, а там как повезет...

Через несколько минут, миновав высокие штабеля дров и колючее ограждение внешней охранной полосы, беглецы продирались сквозь густые заросли орешника. Они еще не пытались осмысливать, куда бегут: на север, на восток или запад. Ноги несли их туда, где нет людей. Два человека бежали от людей - что может быть противостественней. Но в эти минуты их разумом впадал лишь страх, заменивший все остальное.

Наконец, дыхание вошло в норму, взгляд стал осмысленней. Коноров первым подаль рукой знак идти, цепляясь ободранными руками за липкий от живицы ствол сосны, встал. Потом, не взглянув на друга, оттолкнулся и пошел вперед. Егоров некоторое время еще сидел и смотрел вслед, затем тоже поднялся и двинулся следом. Через некоторое время пришло второе дыхание, идти стало легче, но пить захотелось еще больше.

Природа будто услышала немую молитву беглецов - они наткнулись на большое лесное озеро, обрамленное лиственником. Вода в нем оказалась затхлой и теплой, но все же это была вода. Упав ничком прямо в грязь, они развели руками водоросли и стали жадно пить. Они принимались пить несколько раз, будто не могли позариться в такое счастье и хотели насытиться раз и навсегда. Потом выползли на берег и легли на спины.

Через два привала, когда солнце еще прошивало лучами легкие облака, беглецы нашли избушку. Тьма наполнила откуда-то изподнизу, заливая землю, облопакивая стволы деревьев, кустарник и кроны. Они долго не могли понять, как в этой сгущающейся темноте не просмотрели маленький рубленый домишко, стоящий на четырех высоких столбах, укрытый зарослями ельника-подростка и орешника. Столбы можно было принять за деревья, но осыпавшаяся с бревен местами сухая, мшистая кора и устойчивый запах старого большого кострища привлекли их внимание.

5.

С полчаса беглецы лежали на нагретой дневным зноем земле пристально поглядывали на затянутое чем-то темным окошечко. Вокруг было тихо, лишь

вечерний хохот птиц на треск падающих сучьев нарушал песную немоту. Земля быстро хоподала. Первым поднялся Егоров и исчез в темноте. Вернулся минут через десять, тихонько окликнул Конорова:

- Иди сюда.

По его голосу Коноров понял, что опасаться нечего. У домушки Егоров снял с сучка замшевую старую пестницу и приставил ее к висячему крыпечку.

- Видишь, тут нам и трап приготовили, как почетным гостям. Ну, попезай первым. Да не бойся, там никого.

Когда запезли наверх, Егоров прошептал:

- Видать, давно никто сюда не заходил, вокруг ни тропинки, ни обломов нет.

- Так тебе таежник и оставит след, - проворчал Коноров. - Он не дурак, по своему следу дважды не ходит.

- А дверь. Дверь-то рассохлась

- Ну и что?

- А то. Не закрывается она, совсем не закрывается, или обмокла или рассохлась. Если тут кто ночевал, то обязательно или уплотнил бы ее, или крючок бы сдепал. Ведь ночью гнус съест.

- Тоже верно, - согласился Коноров.

Долго чертыхаясь, шарипи в потемках, пока Егоров не наткнулся на каганец с жиром. Зажгли фитилек, огляделись. В углу, на чурбаках, широкий дощаный топчан, на нем грудой валялось тряпье и медвежья шкура. Рядом стоял стол и табурет, тоже изготовленные из чурбаков и продольных хвойных сколов в нахлобучку. На оконце висел большой поскут старого шерстяного одеяла. Под самым потолком на полке два кожаных мешка, тряпичный узелок, небольшой чугунок и закопченная банка с ручкой из проволоки. Справа от входа прилепилась небольшая кирпичная или глиняная печурка, которая, судя по свисающей с потолка саже, топилась по-черному. В мешках они нашли просяную крупу, сухари, в чугунке - засохшее желтое сало, а в узелке соль, спички, сухие пучины и небольшой, но широкий нож без ручки. В левом переднем углу был прибит к стене крест из двух кедровых папок.

- Видать, хозяин из верующих, - кивнул на крест Егоров.

- Может быть, - отозвался Коноров. - Я слышал, в этих местах вера есть, не то кедровники, не то крестовники, бог их знает. Поклоняются они, стало быть какому-то зверю или дереву, вот и вешают кресты из дерева или шкуры.

Сапо, засохшее снаружи, внутри оказалось сочным и мягким. Но сухари пришлось дробить гирей-пятифунтовой, которая висела на крюке. Крошки разлетались, они ползали на коленях, собирали их и кидали в рот. Лишь потом догадались заворачивать их в тряпку и в ней измельчать. Сухари заплесневели и потому отдавали горечью. Когда насытились, Коноров поворочал языком во рту и вздохнул:

- Воды бы сейчас.

- Воды? Если жилье здесь поставили, то вода где-то рядом должна быть. Только где искать ее сейчас. Ночь.

- Ладно, переберемся.

Коноров закурил махорки и пег на тахту. Дунув на каганец, пристроился рядом и Егоров. Оба затихли. У Конорова все тело зудело от перенесенного напряжения, тяжелые веки сами опускались вниз, но обострившийся слух воспринимал каждый шорох и треск, доносившийся снаружи и не давал уснуть. Он повернул голову, спросил:

- Спишь?

Егоров молчал, пень было разжимать губы, но сон к нему тоже не шеп и он ответил:

- Нет, не спится что-то.

- Как думаешь, Егорка, они знают про эту избушку?

Егоров понял, кто "они".

- Могут и знать... Интересно, далеко мы от лагеря ушли?

- Километров двадцать с гаком, я так прикинул. Захлопнут они нас в этой пещерке.

- Могут и захлопнуть, - вздохнул Егоров. - Хорошо, что собак на прививку отправили. Не то давно бы они нас... А вообще все равно. Зря мы с тобой это затеяли, не по-людски как-то. И кой черт нас дернул. Документов у нас нет, рано или поздно, все равно поймут, не здесь, так в другом месте. Может вернемся, а?

- Ну уж нет! - зло откликнулся Коноров. - Поймают, так поймают, а не поймают - наша взяла. И нечего тут рассуживаться. Мы не на вольную жизнь бежим, чтобы грабить там, убивать. Мы на фронт, фашистов бить. Понял, Егорка?

Егоров не ответил, лишь глубоко вздохнул. Коноров подумал, что тот заснул, но Егоров вдруг зашевелился снова.

- Вот уж не думал, что в жизни испытать такое придется. Ведь мне, Миша, по жизни совсем другая линия выходила. В нашем роду, сколько помню, все мужики Егороми звались: и отец, и дед, и прадед. Оттого, видно, и фамилия у нас такая. Мастерские были мужики, хоть пудить-паять, хоть кузнечить, хоть спесарить - все могли. Ну а копь мастерские, так, значит при заводах работали.

- Ты говорил, у тебя семья есть, - поинтересовался Коноров.

- Женится я еще до армии. Пригласилась мне одна наша, заводская, Оля. - Голос Егорова дрогнул. Он долго молчал, будто набираясь духу. Заговорил снова, с натугой в голосе. - Четыре года меня ждала, дочка без меня родилась, аккурат когда раненый лежал. А у тебя дети есть, Михаил?

- Как не быть, у нас с Нюрой трое сыновей и дочушка - перед самым арестом родилась. Старшему, Дмитрию, скоро семнадцать исполнится. Должно быть, на фронт возьмут, если не взяли уже. Другие помладше, на фронт не попадут. Ну сколько война эта продлится, год, от силы полтора. Значит, не попадут. - Даже в темноте можно было понять, что Коноров улыбается. - А там... Егор, спишь, что ли? - окликнул тихонько Коноров, но ему никто не ответил.

6.

Первым проснулся Егоров. Открыв глаза, долго соображал, где находится. В избушке было темно, лишь пробивающийся в дверные щели зеленоватый свет напоминал о том, что наступал день. Он встал с топчана, сдернул поскут и долго смотрел в оконце. Тайга будто плыла в утренней парной дымке, местами сквозь нее пробивались яркие лучи невысокого солнца. В окно пахнуло сырой хвоей, разопревшей землей и теплом. Лес уже жил: с дерева на дерево порхали белки, где-то недалеко работал дятел, свистели, пикали, голосили птицы, наполняя все жизнью и смыслом. Егоров отошел от окна и толкнул Конорова:

- Михаил, вставай, не на курорте.

Коноров открыл запухшие веки, привстал и взглянул в окно.

- Так, бежим, значит. Как нас только не сцапали, дрыхли, как последние олухи. Хорошо, что собак у охранников нет, а то бы они привели их прямехонько к нашей гостинице...

Пошли. Пока Михаил рылся в тряпье, Егоров увязывал мешки. Коноров съехидничал:

- Ты же возвращаться собрался.

- Куда идти-то, Михаил?

Коноров долго молчал, соображая, что ответить, потом снял кепку и поскреб затылок.

- Да-а-а, таежники мы хреновые. Если не сцапают, все равно хана.

Сели, закурили, оглядывая густые заросли, обступившие их со всех сторон. Горькая побега, гнавшая их вчера, прошла, и теперь они, успокоенные и остывшие, не могли ничего сообразить.

- Что-то надо делать, не сидеть же здесь, - сказал Коноров.

- Ты сиди, а я по старой памяти на разведку схожу. - Егоров выбрал под ногами палку потолка. - Буду стучать по дереву, а ты мне отвечай, чтобы не заблудиться. Понял?

Перестукивались они минут двадцать. Егоров вынырнул из чащи весь в паутине, обсыпанный сухой корой и хвоей, но радостный.

- Ну, нашел что-нибудь? - встретил его уставший от ожидания Коноров. Егор отряхнулся, присел на корточки и улыбнулся.

- Зарубки нашел, Миша, целых три.

- Ну и что?

- А то, что делал их человек знающий, таежный. Так он путь себе помечал, чтобы не заблудиться. И должны зарубочки эти вести, как я понимаю, либо к жилью, либо к дороге. Понял, Канурка?

Кануркой Егоров называл Михаила только в минуты душевного расположения. Это давно заметил Коноров, потому он сразу расслабился, успокоился и подумал, что хорошо, когда рядом верный друг.

- Зарубки-то свежие?

- Нет, старые, края уже наростами запыли. Думаю, года три прошло, как их делали. Но это ерунда, Канурка, зарубки старые, но за это время деревня, думаю, не убежала, а?

По зарубкам они прошли километра два, самую дремь, и вышли на сильно запущавшую поляну. И здесь, на открытом месте, где ничто не заглушало звука, до слуха их донесся тихий колокольный звон. Они остановились, как в игре "замри", долго стояли в неловких позах. Звон доносился с переборами: то звонкой высокой капелью взлетал вверх, то переливался трелью, то вдруг замолкал, удивляя тишиной и наполняя тревогой. Наконец, Коноров озлился:

- Что, так и будем стоять, как цапли? Пойду посмотрю.

Через несколько минут он призывающе махнул Егорову рукой. Когда тот подошел, улыбнулся:

- Ты посмотри, какой я звоночек нашел, ну чистый соловей.

У высокой, толстой сосны, из-под самых ее корней, бип родник. Он весело плясал по обнаженным корням, по камушкам на небольшом склоне и убегал в долину, заросшую темным кустарником.

- Вот они куда веи, зарубки-то, - сообразил Егоров. - Теперь придется по ручью идти, видать, здесь речушка какая-то начинается.

Сбросив поклажу, беглецы напились, пожевали размоченных сухарей и сдлапи небольшую припаю. Егоров блаженно прилег на моховую подушку, а Коноров нашел подходящий камень и стал точить нож. Потом выстругал из корневища ручку и набил ее на заостренную державку. Полубовался работой и спрятал нож в мешочек. Прилег рядом.

- Слушай, Егорка, а ведь нас не ищут, а то бы давно сцапали.

- Похоже, так, - откликнулся Егоров.

- А почему?

Егоров молчал долго, раздумывая, что ответить. Потом привстал.

- Не знаю. Думаю, что-то произошло в лагере и им не до нас. А может быть сблизись они с нашего следа. Самим бы не заблудиться. Хоть до жилья какого-нибудь дойти.

Они спустились по ручью, который повел их по овражку направо, затем устремился в широкий пог, ширясь и голубея. В погу в него втекали еще несколько ручьев, и километров через десять родниковый ручей незаметно превратился в небольшую речушку. Здесь она, будто подросший звереныш, рычала, таща за собой вывороченные с берегов комья земли, палки, кустарник, камни.

Впереди просветлело. Беглецы продрались сквозь заросли, спустились по небольшому песчаному склону и очутились у дороги. Речушка, которая привела их сюда, пробежала под мостиком из бревен анakat и скрывалась в овраге по другую сторону дороги. Они долго тапились в придорожных кустах, ожидая, что кто-нибудь проедет. Но дорога была пустынная.

7.

Они шли сначала настороженно и скованно, затем почувствовали себя увереннее и свободнее: шаги их окрепли.

Дорога, обрамленная причудливым зелено-голубым окладом деревьев и набравших силу трав, часто виляла у холмов и оврагов и потому далеко не просматривалась.

Спутники сразу не заметили, как навстречу им из-за поворота вывернула повозка. Мухортная лошаденка махала головой, будто ей это доставляло невыразимое удовольствие. Возница, мужчина лет пятидесяти, часто покрикивал на лошадь, пениво подымавшую ноги, но она не обращала на это никакого внимания.

Михаил было остановился, но Егоров легко подтолкнул его, давая понять, что останавливаться не надо. Поравнявшись с ними, мужик быстро, но цепко окинул их взглядом и потянул вожжи.

- Тпру, Родимец. Пути доброго, люди дорожные, - он накинуп вожжи на угол телеги, прыгнул с земли, как бы приглашая этим к разговору. Коноров с Егоровым ответили на приветствие и тоже остановились. Мужик оказался разговорчивым, опять посмотрел на них колючими глазками и спросил:

- Видать, тоже в район на призывку идете?

Егоров нашелся первым:

- Туда.

- Издалека, должно быть?

- Да не близко, вторые сутки идем.

- Вона как! Стало быть, из-под самой Кудравки. По торбам гтяжу - охотники. Да, дорога-то щас токо в одну сторону повернулась - на запад. Все сейчас туда идут: и молодежь, и мужики, и девок берут. Я вот только один возвращаюсь: провожу и назад. Куревом-то не богаты?

- Да как же мужику без табаку, - ответил Коноворов.

- Эт уж верно, - рассмеялся мужчина. - Как и бабе без "дать бы".

Посмеялись вместе, закрутили по «ножке» и закурили.

- Один, говорю, возвращаюсь. Четвертый раз наших героев на призывку вожу. Да-а-а, такая войница, силы много надо. Только с нашей деревни семнадцать чеповек призывали, а ведь дворов-то у нас не больше. Да, как же это мы немцу такое ослабление дали? Ведь он как рвется, супостат, Смоленск наши сдали.

- Смоленск? - чуть не закричал Коноворов. - Да ты брось врать-то!

- Хоть брось, хоть выбрось. Я-то враг бы - падно, а то вот газета пишет. Мужик достал из-за пазухи газету и протянул им.

- А у вас, стало быть, ни радива, ни газет нету?

- Како там радиво, газеты и те через две недели носят, - ответил Егоров, глядя из-за высокого коноворовского плеча в газету. Они читали и не верили своим глазам: "После ожесточенных и кровопролитных боев войска Красной Армии сдали города..."

- Не может быть! - не сдержался Егоров. - Это же немецкая пропаганда! Ты где газету взял? Может, подбросил кто.

- Неужели пол-России отдали? - поддержал и Коноворов.

- Да вы, никак, ребята, с того свету! Чему дивитесь, когда уж и про Москву поговаривают. Вот они, дела-то какие. Россию-то им воевать и воевать, одна Сибирь вон какая, а Москву отдавать не надо бы врагу. Ведь это, считай, знамя отдали. А вы, стало быть, добровольцы?

- Добровольцы, дядя, - вздохнул Коноворов. - Да еще какие добровольцы. Из дома никак не пускали.

Мужик хитровато прищурился.

- Что, жена, видно, горяча, копь из дома не пускала?

- Да уж куда горячей, - ответил Егоров и вскинул мешок на плечи. - Ну, мы пойдем, папаша. Всего вам.

Возница запел в тепегу, оглянулся и уже вдогонку крикнул:

- Добро повоевать вам, сынки! Если там сыночков моих - Котяковы их фамилия - встретите, поклон передайте.

Егоров остановился и повернулся:

- Обязательно, отец. Спасибо на добром слове!

8.

Забравшись подальше от дороги, беглецы выбрали удобную полянку и решили развести костер, чтобы сварить еду. Ножом вырыли яму, напалми сушняку, чтоб было побольше жару и меньше дыма. Поблизости оказался ручей. Набрали в банку, которую они прихватили из избышки, воды и сварили пшеничную кашу с сапом. С удовольствием поели и легли спать.

Коноворов чувствовал, что Егорова что-то мучает. Тот долго ворочался, укладывался на покой, затем сел, обхватив колени, и стал смотреть на угасающий жар костра. Потом повернулся к Коноворову.

- Слышь, Михаил, а мой-то, видно, уже под немцем.

- Как под немцем? Ты же сам говоришь, что они к тестю под Рязань уехали.

- Говорить-то говорил. Это я им так советовал. Тяжело все-таки жить с пюдями, когда мужа твоего обвинили. К тому же она и сама еле отвертелась, правда, с работы выгнали. Согласилась она тогда к отцу поехать. Но ты характера ее не знаешь!

Помолчали.

Егоров думал, что Михаил заснул, но тот подавал гопос, видно и его захватили воспоминания:

- У меня тоже отца давно нет, в голод помер. У матери нас было четверо: я и трое сестер. Я самый последний, поскребыш, во втором году урожденный. Женился рано, и двадцати не было, в тот самый год, когда отца схоронили. Люди только тем и занимались, что еду добывали, а мне приспичило - так влюбился в Нюру Ладунову, что ни о чем другом и думать не мог, только о ней. Свадьбы, конечно, никакой не было. Нюра одна совсем осталась, все с голодухи померпи, вот и уговорил я мать взять ее к нам. А тут НЭП, потом в колхозы стали загонять. Хозяйство у нас было справное: большой дом под железом, четыре коровы держали, овец, свиней, три лошади, жеребенка. Мать моя ни в какую: не пойду в колхоз, и все тут, пусть хоть на куски режут! А потом как прижали налогом, и деваться стало некуда. Вскоре и меня однажды вечером кто-то колом устопил. Вот, видишь, заметочку они мне оставили. - Коноров снял кепку и показал Егорову записинку на голове. - Шарахнули меня только раз, слышу - подошли, один говорит другому: "Готов Мишка!" "Туда ему и дорога", - отвечают. Посчитали меня за мертвого и ушли. Не запомнил я их, вернее, не узнал, темно да и голова как копокол гудела. Окпемался я немного идомой полполз. Ну, мать испугалась, Нюра ревмя-ревела, падно, говорят, проживем как-нибудь и в колхозе. Чего ж - жить надо! Перегнали всю живность в колхозные загоны, меня тогда как пострадавшего в бедняцкий совет избрали. Вот так, в один день, я из кулака в бедняка превратился. Но кто-то на меня зпобу все-таки затаил. В тридцать восьмом, аккурат посреди зимы, стучат ночью в наш дом. Открыла Нюра. Заходят трое: сотрудник НКВД из района, Гришка Дядьков и Семка, соседа моего Василия Грешкова сын. «Собирайся», - говорят мне. «Куда», - спрашиваю. «Там узнаешь, собирайся». - Ну, оделся я, кое-какое барахлишко с собой прихватил, еды, с детьми и Нюрой попрощался - понимал, куда повезут. Давай допрашивать: где во стопок-то был такого-то числа. А я как назло не припомню да и все, будто память отшибло. На уме совсем другое, думаю, как Нюра одна там с ребятишками. Вспомнил, какой она была в тот голодный год: худющая, ветром колыхало, в родительских обносках на голое тепло - остальное тогда на кусок хлеба променяла. И такая зпость меня взяла, говорю: «Скажите, в чем меня обвиняют, иначе, я слова больше не произнесу!» Оказывается, в тот вечер, - а выгола мела - в квартире учительницы окно кирпичом выбили. Ну падно петом - кирпичи повсюду валяются, подобрал да бросил. А то ведь кто-то не поленился с собой кирпич принести, пупнуть им в окно и следы проложить до самого моего дома. Рассказали мне про это, спрашивают: «Ну, что, сознается?» Я, конечно, отвечаю, что не виноват. «А как же следы», - спрашивают. «Что ж следы, - отвечаю, их до любого дома можно проложить». Вобщем, вlepили мне на полную катушку - расстрел.

- Неужели расстрел? - встrepенулcя Егоров.

- В том-то и дело. Ну, думаю, Коноров, дело твое шабаш. Веришь, нет? Я за одну неделю килограммов на двадцать похудел. И ведь понимаешь ты, Егорка, и свидетели, оказывается, нашлись. Приводят ко мне Гишку Дядькова, показывают на меня, спрашивают: "Он был удома учительницы?" Тот мнется, определенного ничего не говорит. А следователь его подбадривает: "Да не бойся, Дядьков, все равно вы больше не увидите". Тот молчит, видно, что неохота ему меня подводить, все-таки росли вместе. Тогда я говорю: "Не стесняйся, Гишка, на том

свете все сочтемся". Тот мямлит: "Фигурой на него похож, а ближе не виден".

Видно, учпи, что я в активистах ходил. Заменяли мне расстрел на десять лет.

Долго молчали, прислушивались к хохоту ночных птиц. Над тайгой опустилась темная августовская ночь, замерцали звезды.

Егоров засыпал и стонал. Из его открытого рта исходили сейчас звуки того, что попросту называется храп. Коновров не слышал сонного бреда Егорова, он заснул быстро, в одну секунду, будто погрузился в темную и легкую, неосознаваемую телом материю и тут же позабыл и о прошлом, и о настоящем. Они спали. Сон - это спасительные часы, когда душа, мозг и тело как бы отрешаются от складных и тревожных мирских тягостей, очищаются от скверны, чтобы завтра - пустые, облепченные - снова вбирать, впитывать в себя все, что происходит вокруг, а человек снова будет ощущать борьбу, сомнение, страх, ненависть и любовь.

9.

Разбудил их помкий треск сухой ветки. Вскочили, как по команде. Испуганно вращая сонными глазами, они вглядывались в темные еще кусты, готовые схватиться с невидимым противником. Они оба не сомневались, что там, в тайге, мог быть только их противник. Справа опять донесся треск. Он снова заставил напрячь обмякшие было мышцы. Коновров медленно потянулся к мешку у своих ног и вынул из него нож, затем выдернул рогупину у костровища и подап ее Егорову. Треск, в этом не было никакого сомнения, донесся снизу, значит, это был не треск падающей ветки или сухого дерева, не звуковая гаплюцинация. Они оба чувствовали, что ветка, издавшая звук, еще жиблется под живой тяжестью, и тот, кто на нее наступил, тоже испугался резкого звука и сейчас замер, ожидая его последствий. Было ясно, что это не зверь, а человек. Зверь не стал бы таиться: сильный идет напролом, слабый и трусовый убегает. Беглецы не сомневались и в том, что это не преследователи - вооруженный человек не стал бы прятаться.

Первым не выдержал тот, кто был в кустах. Вот он зашевелился и пошел к поляне. Чьи-то руки развели кусты, поспышался возглас:

- Привет советским работникам-разбойникам, ха-ха-ха! Вы-то как здесь оказались? А я думаю, не то мои пегаша здесь устроились?

Егоров с Коновровым одновременно и со спавшим в голосе напряжением выдохнули:

- Балабин?

- Что, порты-то еще не запачкали? - зпословил Балабин, выходя на поляну.

- Гляди, Балабин, как бы самому ширинку выжимать не пришлось, - в тон ему ответил Егоров.

Федька хоть и хорохорился, кривая натянутая улыбка на лице говорила о том, что он еще не оправился от испуга, не замечал, что правая рука судорожной, мертвой хваткой сжимала нож. Скоро это отпустило, он осклабился более раскованно, спрятал нож в карман и, глядя на мешки, лежащие у их ног, не сдерживая судорожных глотаний, спросил:

- Хава есть? Я двое суток ничего не жрал, кроме ягоды.

Коновров присел на корточки, развязал мешок, протянул Балабину три сухаря, отрезал кусок сала.

- На, разносолов, как видишь, нет.

- А в другом што? - спросил Балабин с полным ртом. - Вытягивай, за мной не станет.

- Пшено есть. Будешь попать? - не без издевки спросил Егоров.

- Корма не надо, сала еще дай, - потребовал Балабин и перекрестился. - Ей бо, за мной не станет!

- Ближняя соломка лучше дальнего сенца, Балабин, - ответил Егоров. - Пока поел и хватит. Мы сами голодные. На-ка вот, сбегай за водой, кашу сварим, тогда и поедим.

Балабин взял протянутую банку и поднялся.

- Когда брюхо просит, я не гордый, начальник. Я могу и сходить. - Он пошел, но вдруг повернулся, тревожно спросил:

- А хвоста за вами нет? - Оценил молчание. - Значит, нет. А за нами целые сутки вопочился, да мы сбросили.

Когда затихли его шаги, Коноворов сказал:

- Выходит, он не один. Ты заметил, он сказал "мы"?

Но Егоров вдруг перешел на другое:

- Вот почему за нами не было погони, Миша. Молочков, наверное, думал, что мы все вместе сбежали, вот и ухватился за Балабина с Кринко.

- Ты думаешь, с ним Кринко?

- А кому еще быть. Только непонятно, почему он один пришел. Может, разведать решил? Ох, боюсь, Миша, что Балабин не отцепился, не такой Молочков мужик, чтобы дать уйти. Что-то тут не так. - Егоров тронул Михаила за рукав.

- Тихо, идет. Разговор ведем осторожнее, будто нам все равно. Федька сам все скажет, такие любят себя выставлять.

Балабин вышел на поляну, поставил банку с водой на землю и ухмыльнулся:

- Что притихли, содельнички? Не мои ли косточки обмывали? А я не против бы сейчас в баньке попариться, да с веничком дубовым или березовым, да с водочкой, да с бабенкой позадастей. А? - Балабин снисходительно взглянул на них. - Небось, не знаете, куда теперь податься. Убежать-то легко, да выбежать трудно. Так я говорю? Ну, ничего, держитесь Балабина, разрешаю, с ним не пропадете. Балабин везде бывал, все видал, Балабина все знают. - Он сдепал паузу. - Кому знать надобно. У Балабина недалеко хаза есть. Я вижу, люди вы умные, кумекаете, что к чему. Не то что этот хохол. - Он зло сплюнул назад.

- Что, жидковат Кринко? - спросил Егоров.

- Жижка поносная! Договорился, ну все - только бежать, а он, ублюдок, заартачился. А мне что ж, свидетеля оставлять?! Не-ет, Балабин не такой! Упирался, с-сука, ну, дать ему пришлось пару раз. Из-за него и шоферишку убрать пришлось, услышал, как мы возимся, остановился...

- Ты что, убил его? - спросил Коноворов.

- Да не, я его легонечко так перышком, чтобнасквозь не проколоть.

- А Бутров как же?

Балабин юльнул - это они заметили сразу.

- А что Бутров? Я Бутрова не трогал. Да он и сам околеет.

Егоров поднялся, за ним встал и Коноворов.

- А ну повтори, гад, что сказал?

Балабин попятился от них.

- Да вы чего? Чего вы? Ну, оговорился я, ну речь у меня такая. Вот психи! Я хотел сказать, что плохой он был, по дороге в сознание пришел, все кричал что-то. А я чем ему помогу...

Балабин был напуган, или только так казалась. Егоров решил сыграть на ситуации:

- Кринко где?

- Кринко? Да там и остался, ногу подвернул, скотина. Что ж я на себе его поволоку? Самому дай бог ноги...

- Далеко отсюда?

- Да вы что надумали-то? А вдруг там засада? Да он же нас по рукам и ногам свяжет. Не уйдем ведь, - завопновался вдруг Балабин.

Федька будто уговаривал их, но в голосе его чувствовалась игра, игра тонкая, именно рассчитанная на то, что ее заметят и поймут, что с ним шутки плохи. И Егоров решил принять его игру.

- Ну, падно, черт с ним, с Кринко. И правда, мешаться только будет.

Егоров повернул лицо к Конорову и пегко подмигнул, давая понять, что так надо. До него вдруг сейчас дошло, что Балабин не случайно набрел на них, что они зачем-то ему нужны. Он знал, что Балабин не терпел одиночества, потому что один становится трусом. Не потому ли потащил он с собой и Кринко? Видно, расстался с ним он совсем недавно, по всей видимости, Кринко находился где-то недалеко. Иначе, зачем бы волноваться Балабин? А может быть, Кринко что-то знает, о чем не хочет говорить Балабин? Возможно, он набрел на них случайно и теперь боится новых свидетелей, которых Балабин не любил. Так или иначе, все это предстояло выяснить.

10.

Сварили кашу, поели, черпая из котелка струганными попаточками. Продолжая игру, Егоров спросил Балабина:

- Ну а теперь куда? Запутаемся мы в этой чашобе.

- Я же говорил, что со мной не пропадете. - Балабин сытно икнул и встал в раскорячку, как хозяин положения, одну руку держа в кармане, другую засунув за пояс штанов. - Спущайте, начальник меня. Мне отлучиться надо ненадолго, проверю, что и как. Отсюда ни на шаг, а то приду - а вас по-тю, пропадете без меня.

Видно, убедившись, что его слова возымели вес, скрылся в том направлении, откуда появился утром. Егоров шепнул на ухо Михаилу:

- Дай нож, пойду проверю, куда это он. Тут депо нечисто. Спрячься вон там и ни гу-гу, пока я не приду. Понял?

- Понял, Егорка, будь спокоен.

Коноров тряхнул рогулькой в руке и скрылся в кустах.

Егоров видел, как Балабин спустился в пожок, а затем круто свернул вправо. "Проверяет, сволочь, не следят ли за ним" - подумал Егоров и затаился. Ждал он недолго. Балабин появился снова на том же месте, осмотрелся и пошел дальше. Эта игра длилась минут двадцать. Поднявшись из низины вспед за Балабиным, Егоров решил обойти его стороной и пойти параллельно, но тот вдруг исчез. Его не было минут пять. Вот шевельнулись кусты, Балабин вырос словно из-под земли и пошел не назад, а в сторону, часто оглядываясь и проверяя каждый свой шаг. Когда он скрылся из виду, Егоров подошел к тому месту, где только что был Балабин, и увидел большую яму. Очевидно, это была повушка, вырытая охотниками на крупного зверя. Егоров быстро спустился по жердине в яму и увидел лежащего на дне человека. Это был Кринко. Одна нога его была невовко подвернута, обе руки его лежали на левой стороне груди, а сквозь пальцы сочилась кровь. Кринко был еще жив, он тоже узнал Егорова.

- А, начальник, и ты с ним. Гады!

Его-обескровленные губы синели на глазах, взгляд потухал, будто на полную луну набегало прозрачное облако. Егоров видел, что Кринко уже не жилец, и чтобы хоть как-то опровергнуть его слова, ответил:

- Нет, Кринко, я не знал, что ты здесь. Прощай.

Егоров собрался вылезать наверх, но тихий шепот вернул его назад:

- Знай, Егоров, Рыж насмерть повбивати шофера... и мени. Берегитесь. Он хотит к ворогу идтить, к немцу. Меня кликал, но я не... не хотел, он пригрозил мне...

Когда Егоров вернулся, на поляне было пусто, он тихонько позвал:

- Эй, Миша, ты здесь:

- Да здесь, здесь. - Коноворов вышел из кустов. - Ну, что там?

Егоров снял рубаху, вытер ею лицо и шею, обмахнулся и надел снова. Прежде, чем ответить, прислушался, затаив дыхание.

- Балабин убил Кринко.

- За что?

- Было за что, Миша, потом все объясню. Сейчас одно скажу - нужно его остерегаться. Придет Балабин, не показывай, что знаешь о Кринко.

- Может быть уйдем, Егорка, пока не поздно, черт с ним, пусть остается один.

- Нелзя, Миша, отпустить его одного. Видать, мы сильно ему нужны. Так что пусть пучше он будет у нас на глазах, чем за спиной. Тихо, кажется, идет...

Они чувствовали, что он где-то рядом. Но Балабин что-то выжидал, наконец, не выдержав, вышел на поляну.

- Что спрятались, начальнички?

- А сам чего крадешься? - вопросом ответил Коноворов.

- Ну, береженого бог бережет. - Он демонстративно сел. - Видать, не сильно вы мне доверяете.

- А кто знает, Балабин, что у тебя на уме, - обрезав его Егоров. - Вдруг ты нас продать решил.

Как ни странно, оскорбление Балабин перенес спокойно, даже облегченно вздохнул, будто боялся, что его могли заподозрить в более тяжких грехах. С минуту он раздумывал, потом решительно поднялся и сказал:

- Ну вот что, товарищи советские начальники, копи уж наши дорожки сошлись, так и быть - помогу вам. Тут, недалеко, моя маруха живет, она поможет, если не скурвилась. К ночи как раз придем. Только уговор, - шутливо заключил он, - держать себя фартово, а то моя маруха хлюпиков не любит. Ха!

11.

Балабин в лесу ориентировался хорошо - было видно, что он эту местность знал. Вел уверенно, иногда останавливаясь, словно для того, чтобы свериться по одному ему известным приметам, и шел дальше. Егоров спросил, бывал ли он здесь раньше. Балабин посмотрел на него, как на несмышлениша, которому надо объяснять очевидную вещь.

- Балабин везде бывал: и в Одессе, и в Москве, и в Питере, и во Львове. А на эту глухомань я рыгать хотел, да пришлось когда-то посетить по высочайшему повелению советского суда. - Он поднял руку. - Теперь тихо, начальнички, скоро дорогу будем переходить, и мне не хочется, чтобы кто-то увидел наши приятные физиономии.

Еще издали они услышали странный шум. То, что они увидели, все говорило на одном языке - языке горя. По дороге шла большая колонна эвакуированных. Тяжелый топот обуви, крик детей, ворчание повозок, на которых везли раненых, дребезжание утвари, всхрапы тяжело нагруженных лошадей - все сплось в один гул.

- Похоже, со станции идут, - угрюмо сказал Коноворов. - А детей, детей-то за что?

- Гады, фашистские ублюдки, - страшно выругался Егоров.

- Эвакуированные, видно, издалека, - буркнул Балабин, но от злословия не сдержался. - Крепко там стукнули доблестные красные войска.

Егоров метнул в него черный взгляд.

- Заткнись, Балабин, среди них и твои могли быть.

Но Рыж не смутился:

- Хе, начальник, мои предки давно червяков кормят. - Но вторично наткнувшись на острый взгляд Егорова, вдруг заиграл. - Не обижайся, Егоров, мне ведь тоже тяжело глядеть на это. Смотрел на них и родителей своих вспомнил. Также вот, только этапом, в Сибирь их гнали. А за что, начальник? За то, что кусок хлеба был потопще, чем у ленивых коммунаров.

- Кулаки, значит? - спросил Коноворов.

- Яне понимаю такого слова, Коноворов. Еспитот, кто хочет хорошо жить, вкусно есть да еще доставать это все своими руками, кулак? Тогда падно. А кто же вы такие? Насмотрелся я на вас, начальничков, там, на воле. Еспи есть под задом очко с подлокотником, то и пан, а работяга как гнул горб, так и гнет. На кого? Да на вас же, начальничков. Так кто же вы, как не кулаки? Вот ты говоришь, Егоров, что Советская власть хорошая, народная, всем все поровну. А что она мне дала, ваша Советская власть, а? Молчишь? У нас был дом, хозяйство, скотина, лошади, земля. Все вот этими руками нажили, а отобрали. Мало того - в Сибирь сослали. Хорошо, что папаша мне намекнул: тикай, говорит, сынок, пока тебе тут жизнью не попомали. Вот я и сбежал. Где только не мотался. Нашлись добрые люди, приютили, обогрели, дело стоящее дали. Заметь, не ваша сердобольная Советская власть, а эти люди.

- Не люди, Бапабин, а воры и бандиты, - поправил Егоров.

- Бандиты, говоришь, воры, а чем им еще заниматься, еспи у них землю отобрали, душу вынули, руки отняли?

Егоров чувствовал какую-то правоту Бапабина и потому не находил аргументов опровергнуть его слова, понимал, что в годы коллективизации напоминали таких дров, что вряд ли скоро разберешь эти завапы. Но надо было что-то отвечать и он сказал:

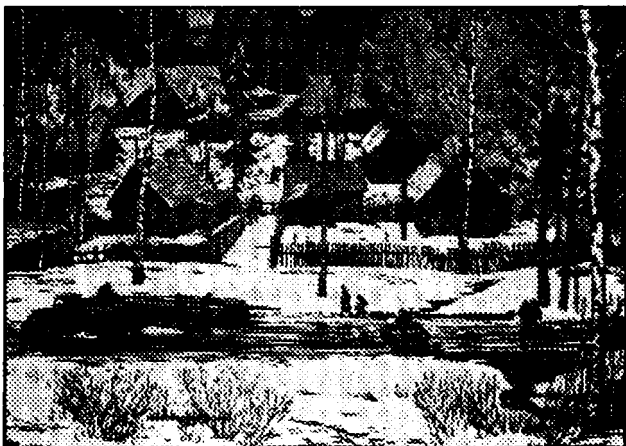
- Работать надо было, как все люди.

- Это как, как все: шалый-вапый? Работать. Это после того, как казенных харчей попопать? Ну уж нет! Ну мы-то падно, мы враги, пережитки прошлого, отщепенцы, или как еще там нас называют. А вот вы как в нашу кумпанию попали?

- Ошибка это, Бапабин, - не нашелся что больше ответить Коноворов.

- Хороша ошибочка, товарищи советские начальнички. Ну да хрен с вами, однако, пора идти.

(Продолжение следует).

**Кристина
БОНДАРЕВА**

**«Хочу
быть
стервою...»**

**Что вы смотрите, ждете?!
Это не крылья...
и не смех пустоты...
Не скажу, не заплачу,
Не выдам ничем
глубины,
Доброты...**

**Когда я немного сошла с ума -
Мне стало немного легче,
И плохо стало, -
как никогда:
Там,
в зеркалах,
затерялась
навечно...**

**Невыносимо долго я тебя
ждала...
От бесконечности одной
Могла б сойти с ума...**

**Не пытайся напрасно стучать:
Ты - лишь сон.
А Явь - это я,
И Стена между нами прочна!**

**Глаза мои отвыкли плакать.
Я забыла, что такое проявлять
слабость.
На удары судьбы, -
Злость и жесткость
Мои защита и оружие.
Я живу в придуманном мире,
Где давно потеряла себя.
Иногда я не знаю:
Моя боль - боль или роль?
А смех - смех?
Или грех?
Или боль?
Или роль?
Я придумываю слова, чтобы
говорить...
Я придумываю иллюзии,
Чтобы найти в себе силы.
Иногда я смотрю в зеркало
И не узнаю себя.
Лишь одно мне ясно:
Страшно...**

Как страшно думать, что мечте не сбыться.
Но сделать шаг над пропастью - рискнуть!
Ведь там - сплошная темнота и неизбежность,
И незаметно: ждет ли кто-нибудь?..

Я так устала...
Я хочу быть «пьяной»!
Безумною
и не зажатой дамой.
Не дамой даже -
стервою -
упрямой и шальной,
но умной, хоть и чекнутой,
чтоб не сидеть голодною,
и не орать под окнами:
- Шерше ля фам МЕНЯ!
Вот - перестану хмуриться,
все остальное - сбудется,
и брошусь в ритме бешеном,
и... обожгусь игрой.
Та боль - вернется пыткой
вслед за улыбкою:
святой, невинной,
как мое второе
Я.

А судьи кто!?
Неважно, но они
хоть миссии своей не выполняли,
задуматься над бытием нас заставляли,
Лишь тем, -
что нас они СУДИЛИ.
И в той борьбе возшло уже рождение -
свое у каждого из нас дитя:
Ошибки,
Опыт,
Мудрость,
Вдохновенье...
Вот у меня -
сие стихотворенье,
которое лишь часть теперешней
Меня.
А судьи где!?

Иван ХМАРСКИЙ

ГОЛГОФА

_____ **Рассказ**

Собственно, картина была готова и уже успела высохнуть с прошлого воскресенья, когда Федор добавил внизу несколько мазков, чтобы яснее были видны острые камни на дороге, по которой Иисус нес на спине большой деревянный крест на Голгофу. Киноварью он тронул ступни Христа, обозначив капли крови на его пальцах, изрезанных этими камнями. При этом задумался: может быть, пусть по запыленным ногам стекают красные ручейки, оставляя след на дороге? Но, памятуя советы своего учителя в Академии, воздержался. Тот настойчиво внушал ему мысль о том, как опасно для художника в драматическом сюжете перейти какую-то грань, за которой исчезает искусство и начинается патология.

- Вам нравится, когда на экране актеры часто и помногу плачут? - спросил он однажды.

- Не очень. Не выношу истеричек и в жизни, и в кино.

- Я тоже. Так вот, в живописи истерика тоже невыносима. Суриков в своих "Стрельцах" поначалу нарисовал было у кремлевской стены повешенных. Показал Репину - тот ужаснулся, и Суриков убрал. Во всем стремитесь к благородной сдержанности. Как у старых мастеров.

- А если сама жизнь стала истеричной, - возразил Федор. - Весь наш век - сплошная кровоточащая рана. Разве это не отразилось на искусстве? Вспомните нашу эстраду: звериные вопли, кликушество, конвульсии...

- Вы называете это искусством? - усмехнулся учитель. - А потом:

почему вы считаете двадцатое столетие эталоном в развитии человечества? Скоро наступит новый век. Уверен, он будет другим.

- Не знаю... Может быть...

Сколько уж раз он замечал, как бывает трудно уловить момент, когда к написанной картине не следует больше прикасаться, иначе она будет выглядеть вымученной. Но и оставлять что-то незаконченным тоже нельзя. Как же поймать это мгновение? Писал он свою "Голгофу" по нынешним понятиям долго: с весны до осени, и настолько вжился в свое творение, что уже перестал понимать: удался ему замысел или нет? Бывали дни, когда его охватывало отчаяние от своего бессилия передать на холсте то, что так ясно рисовалось ему в воображении, но бывали и редкие часы озарения, восторга и гордости, когда ему с трудом верилось в то, что это именно он, Федор Калинин, написал такое серьезное полотно на этот древний и вечно волнующий библейский сюжет, не повторив никого из великих мастеров прошлого. Уж в этом-то он был твердо уверен. Христа он показал не сбоку, как это делали художники до него, а спереди и сверху. Его Иисус шел прямо на зрителя, который как бы смотрел на него с горы, и главный смысл картины был в том, чтобы проникнуть в душевное состояние сына божьего в эти мучительные для него часы. Что чувствовал, о чем думал перед казнью? Почему так покорно нес этот неимоверно тяжелый крест, почему не взбунтовался, не сбросил его со спины? Ведь знал же, знал, что хуже смерти наказания уже нет.

После долгих раздумий решил показать Христа не изнуренным и слабым телом, каким верующие привыкли видеть его на иконах, а мускулистым и красивым мужчиной тридцати трех лет с ясным, спокойным и твердым взглядом серых глаз, не замутненных страданием. Что в этом взгляде? Гнев на своих мучителей, презрение к толпе, поверившей в то, что он преступник, жалость к матери и близким, осознание своей великой миссии в судьбе человечества? Федор уже сам не мог ответить на эти вопросы, и порой, всматриваясь в лицо своего Христа, с каким-то суеверным страхом начинал чувствовать, что образ на холсте отделился от него самого и уже начал не совсем понятную для художника свою жизнь. В такие дни картина ему смертельно надоедала, но продолжала преследовать его даже во сне, и он, наконец, понял: надо на время отвлечься другой работой, чтобы сбросить это наваждение, успокоиться и лишь потом показать "Голгофу" своим друзьям Валерию и Саше. Пусть теперь они решают, стоит ли везти полотно на художественный совет для отбора на московскую выставку или пусть оно, скатанное в трубку, пылится где-нибудь в

углу его квартиры, как пылятся многие никому не интересные картины в мастерских других художников. Заранее готовя себя к худшему, все же чувствовал: если это неудача, то от такого удара ему скоро не оправиться.

Смущало его и еще одно: не подумает ли кто-нибудь, что он взялся за этот сюжет, поддавшись модному ныне увлечению религией? Если бы его спросили: относит ли он себя к верующим, он не знал бы что ответить. Евангельские легенды он воспринимал так же, как в детстве сказки, но в то же время, мучительно осознавая свое бессилие перед тайнами вселенной, и верил в какое-то высшее существо, которое неведомыми ему, Федору, путями управляет мирозданием. Где начало и конец всего сущего, куда устремляется бесконечное время, куда летят миллионы лет галактики, каково назначение во всем этом человека? Ведь есть же, есть этот КТО-ТО, - думал он в такие минуты, - имя которому Высший Разум или Бог, который знает, что на крохотном комочке грязи, названном нами Землей, копошится почти невидимая козявка по имени Федор Калинин и даже пытается своим скудным умишком постичь: во имя чего она появилась на свет? Что означают в масштабах мироздания ее смехотворные заботы, жалобы, потуги: беготня по магазинам в поисках хлеба насущного, трамвайная толчея, честолюбивые планы пробиться к известности? Кто виноват, что в нелепых войнах льется кровь невинных? Почему в конце двадцатого века в мире все еще гибнут люди от голода и холода?

"Господи, вразуми и просвети меня! - мысленно молился он в такие минуты этому неведомому повелителю. - Не дай мне опуститься и оскотиниться, как многим другим! Сохрани во мне Человека!"

Своей мастерской у тридцатилетнего Федора еще не было, и в летние месяцы он работал в мансарде просторного дачного домика тестя. Место было удобное и тем, что добираться сюда на автобусе удавалось за какой-нибудь час, и тем, что домик стоял на самом краю дачного поселка, поблизости от лесочка, так что всегда можно было после трудов праведных побродить по его тропкам, нарвать букет цветов, а то и просто поразмышлять в одиночестве вдали от городской сутолоки. Но в конце октября завернули холода, выпал первый снег да так и остался лежать тонким белым саваном на подмерзшей земле. Пора было забирать картину в гараж тестя, как уже договорились заранее, но как на грех у того не западилось с "Москвичом". Обещал отремонтировать через пару дней, и Федор сейчас раздумывал,

как быть? Может быть, снять полотно с подрамника, скатать в трубку и увезти домой? Показалось жалко. Только недавно он вставил картину в красивую, дорогую раму, затратив половину денег, вырученных за проданные пейзажи. Начнешь снимать - еще повредишь. Э, была не была, пусть еще постоит здесь. Он бросил прощальный взгляд на полотно и едва не вздрогнул: в багряном зареве вечернего неба ему показалось, что голова Христа на картине повернулась в его сторону, и их взгляды скрестились. "Ты так и не понял, о чем я думаю в эти мгновения? - прочитал он в глазах Спасителя. - Несчастный! Ведь этот крест несущ не я один. Ты сам, твоя семья, твои друзья, вся твоя истерзанная страна - все вы изнемогаєте под тяжестью такого же креста. Только я несущ его по своей воле, ибо мое предназначение свыше - пробудить в людях совесть и веру в добро. А ты? Ради чего страдаешь ты? Кто обрек на Голгофу твоих предков, твоих детей и будущих внуков? Когда же пробудятся в тебе разум, воля и силы, чтобы освободиться от этой страшной ноши и начать достойную человека жизнь?"

Федор поспешно спустился по крутой лесенке вниз. "Видно, я все же крепко переутомился, раз у меня начались галлюцинации, - поежился он. - Не хватало еще этого! Да, он прав. Втайне я думал об этом же, когда начал писать картину, только никак не мог высказать это словами, а все свои раздумья отразил в глазах Христа. Как же я не догадался об этом раньше?"

Трясущимися руками он запер дверь домика висячим замком, мысленно отругав себя и тестя за то, что летом не врезал внутренний. В последние дни среди садоводов поползли слухи о том, что с наступлением холодов начались набеги дачных воров на участки. Вдруг ему пришла озорная мысль. Вырвав из записной книжки листок, он торопливо написал: "Вина не держу, других сокровищ в домике нет". Сунул трубочку в дверную щель и, вздохнув, словно от дурного предчувствия, быстро зашагал к автобусной остановке. Кругом ни души. Это успокаивало: кому придет охота в такую пору рыскать по чужим участкам?

Но Федор ошибался: уже с полчаса за его и другими домиками из кустов боярышника на лесной опушке нетерпеливо следили две пары глаз. Одного из притаившихся, Геннадия Веселова, дружки когда-то прозвали просто Веселым. Не столько из-за фамилии, сколько в насмешку над сумрачным выражением его смуглого и отекшего лица, на котором многолетняя привязанность к зеленому змию оставила свой печальный след. Второго, Семена Кулькова, они же окрестили Гусем. Очевидно, за длинную шею и небольшие широко расставленные глазки на круглом плутоватом лице. Когда-

то оба числились рабочими: первый - слесарем домоуправления, второй - плотником СМУ. Но то было давно, еще в доперестроечные времена. Как только государство развалилось, оба оставили постоянную работу и стали перебиваться то шабашками, то сдачей бутылок, то перепродажей сигарет, и лишь в последний год полностью переключились на дачи. Тут было раздолье. На тысячи участков приходился один сторож, который с наступлением темноты запирался в своем доме ставнями и мирно спал там до утра...

- Ушел, - сказал Веселый, - выпрямляясь, когда фигура Федора скрылась за бугром. - Совсем заморозил, гад.

- И чего он там так долго выискивал? - поддержал разговор Гусь. - Может, по бутылкам разливал?

- Все может быть, - мрачно сплюнул Генка.

С самого утра он был злой, как черт. И не без причины. Как только открыли винный отдел магазина, протиснулся сквозь толпу жаждающих к прилавку, сунул заветную поллитровку в карман фуфайки и на радостях сиганул прямо с высокого крыльца на газон. А там булыжник... Мало того, что сам растянулся во весь рост и щеку до крови расцарапал - стерва-бутылка выскользнула из кармана, ударилась о бровку тротуара и зазвенела осколками по асфальту, оставив на память лишь темную пахнущую лужицу. Жалко было до слез, прямо хоть вылизывай. Уж он матерился, матерился, наверно, на весь квартал было слышно, но денег на другую бутылку так и не собрал. Вот такая жизненная драма... Поневоле расстроишься.

- Пошли!

Веселый поправил под фуфайкой топор и решительно направился к домику. Гусь под курткой нес небольшой помик. Калитка закрывалась чисто символически - небольшим крючком. Тут проблем не было. С замком, впрочем, тоже. Привычным движением Гусь просунул помик в дужку, рванул другой конец на себя, и жалкое изделие какого-то малого предприятия вмиг отлетело на грядку. Только тут заметили записку.

- Какой умный! - усмехнулся Гусь. - Так мы тебе и поверили.

Зашли. Внизу было уже темновато, и Генка достал из кармана фонарик. Принюхались - никакого намека на привычный запах. Со знанием дела обшарили стол, две тумбочки, кровать с матрацем и погребок в углу.

- Ни хрена! - озадаченно сказал Гусь. - Карабкаемся вверх.

Один за другим они поднялись на просторную мансарду и остолбенели: вдоль задней стены, как в музее, стояла большая

картина в бронзовой раме, а на покрытом газетой столе лежали палитра, тюбики краски, рисунки, и в старом глиняном кувшине торчал пучок кистей.

- Малюет, сука! - удивился Веселый.

- А чего! Это не на производстве вкалывать, - подхватил Гусь. - До чего сейчас разных паразитов развелось, так это ужас! А кусать всем хочется.

- Христос вроде? - продолжал Веселый. - Куда это он крест тащит?

- На какую-то гору.

- А эти сзади? Сродники, что ли?

- Религия, - заметил Гусь. - А чего? Продаст попам, знаешь, сколько кусков отвалят!

- Та-а-к... - зловеще процедил Веселый. - На Христе, значит, уже барыги бизнес делают... Интересно...

- Запиской хотел отделаться, - подзуживал Гусь.

- Ну нет. Так ему это не пройдет.

Веселый пинком открыл дверь на балконе и взялся за угол рамы.

- Ты куда? - опешил Гусь.

- Бери! - приказал Веселый.

- Зачем?

- Сам увидишь.

Гусь пожал плечами, но тоже поднял свой край. Не без усилий вытащили картину на небольшой балкончик, и Генка, уже один, сбросил ее через перила на грядку клубники. Лицевой стороной полотно упало вверх. Христос, точно пораженный всем, что происходило, казалось, гневно вопрошал алеющие небеса: за что?

Прятели спустились в нижнюю комнату. Генку по-прежнему душила злоба. Вытащив из-за пояса топор, он огляделся, примериваясь, на чем его попробовать, и вдруг трахнул обухом по столу. Черепки двух тарелок с треском разлетелись по углам, а один угодил в окно, пробив в стекле дыру. Выйдя из домика, Генка остановился над распластанной картиной, расставил ноги и поднял над головой топор.

- Рубить, что ли задумал? - всполошился Гусь. - На что? Лучше продадим.

Не отвечая, Веселый с силой опустил топор на полотно. Удар пришелся по голове Христа, рассек ее пополам, и краски смешались со снегом и грязью. Распалаясь ненавистью с каждым новым ударом, Генка начал крушить раму.

- Хватит! Сторож услышит, - забеспокоился Гусь, сделав шаг в его сторону. - Ты что психуешь?

- Не подходи, зарублю! - зарычал Веселый, метнув на него злобный взгляд. И Гусь, поняв, что это не пустая угроза, начал пятиться к калитке. Веселый взметнул руки для нового удара и, приседая, со страшной силой опустил топор на картину. Но лезвие, скользя по раме, тут же вонзилось в его левый сапог. Мгновенно, как из черной скважины, из него на снег брызнула кровь.

- А-а! Мать-перемать!

Веселый взвыл от боли, повалился на бок и обхватил обеими руками сапог, пытаясь остановить кровь. Тотчас его руки обагрились.

- Чего стоишь? Помогай! - крикнул он напарнику.

- А я чего?.. Делать-то что? - растерянно затоптался на месте Гусь.

- Поищи простыню какую или что! Перевязать надо.

- Где искать?

- В дачах. Побыстрее!

- Так все уже вывезли на зиму.

- Тогда помоги стащить сапог.

Гусь подошел, брезгливо наклонился над Веселым и тут же отступил.

- Так он же весь в крови. Сам как-нибудь...

- Измараться боишься? - просипел побелевшими губами Веселый. - Ну и падло же ты!

- Говорил тебе: не связывайся! Зачем рубил?

- Сам не знаю... Беги к сторожу, пусть позвонит в скорую.

- Еще чего придумай! Может, прямо в милицию сбежать?

Гусь, всегда побаивавшийся своего напарника, теперь, увидев, как тот обмяк и побледнел, приободрился.

- Значит, пускай я изйду кровью, а ты свою шкуру спасаешь? - прохрипел Веселый. - Ну погоди же...

- А хоть бы и так. Я ить предупреждал...

- Богом тебя молю: вызови скорую, иначе мне амбец. Понял? Смотри, какая лужа набежала. - В запавших глазах Генки уже затаилась предсмертная тоска.

- Ну и погибай, раз дурак. А я из-за тебя в тюрьму не пойду, - рассердился Гусь.

- Вот какая у нас дружба... Как пить за мой счет, так ты рядом, а как помочь, - сразу в кусты. Семен, я жить хочу, - вдруг заплакал Веселый. - Жалось хоть какая у тебя осталась?

- Ну это ты брось! Случись такое со мной, ты сам бы уже давно драпанул. Я ведь тебя знаю. Помнишь, как тогда из склада удрал,

а меня одного оставил? Так что я пошел... Попробуй сам до сторожа доползти.

Гусь открыл калитку и, не оглядываясь, быстро зашагал к лесу. Веселый попробовал подняться, но голова у него закружилась, он покачнулся и снова повалился боком на грядку. Перед глазами поплыли радужные кружочки, к горлу подступала тошнота. Ему по-настоящему стало страшно. Неужели это конец? Вот так неожиданно-негаданно из-за этой проклятой картины? И в само деле, зачем он с нею связался? Сейчас и вспомнить не может, как будто все случилось в другой жизни, которую уже нельзя вернуть. Нет, здесь он подышать не намерен, надо ползти к сторожу. Генка стал на четвереньки и, встряхивая головой, чтобы прогнать радужные шарики перед глазами, пополз к открытой калитке, упираясь липкими от крови пальцами о землю и волоча разрубленную левую ступню. На снегу за ним потянулся красный след. Жгучая боль как будто стала утихать, и левая нога началанеметь от холода. У него хватило сил проползти мимо двух соседских участков, и за эти минуты сумерки заметно сгустились. На лбу его выступили холодные капли пота. А, может быть, где-нибудь поблизости все же есть люди. Он поднял по-волчьи голову вверх и попробовал закричать: "Помогите!", но вместо крика выдавил из себя какой-то слабый, хриплый вой.

Уже плохо соображая, где он и что с ним происходит, он инстинктивно выполз на главную дорогу между участками. До сторожа оставалось с полкилометра, но как на беду дальше начинался бугор, и каждый метр давался ему все с большим трудом. Остановившись в очередной раз передохнуть, он вдруг вспомнил святого на картине, поднимавшегося на гору с крестом на спине, и поразился этому совпадению. Впервые его пронзила мрачная догадка о том, что он наказан богом за то, что поднял топор на Христа, и ему захотелось помолиться, но он не знал, как это делается, и только шептал немеющими губами, обливаясь слезами: "Господи, прости меня, грешного! Я не хотел, так получилось..."

Почти в темноте он дополз до какой-то ложбинки у перекрестка двух дорог и остановился. Его сильно клонило в сон, а раненная нога была совсем чужой, и он подумал: "Зачем я волочу эту тяжесть?" Впереди мигали какие-то огоньки; время от времени был слышен слабый шум машин на шоссе. Там были люди. Но двигаться дальше сил не осталось. Да и ложбинка показалась ему такой уютной, мягкой и так манила к себе, словно теплая постель после выпивки. Поколебавшись мгновение, он сполз в нее, свернулся

калачиком и почти тотчас задремал. Во сне он увидел себя мальчиком лет восьми или десяти. Было радостное весеннее утро, за окном, в палисаднике, цвела душистая сирень и щебетали птицы. Мать из кухни позвала его завтракать, а он, в майке и трусиках, стоя перед открытым окном, делал зарядку и время от времени украдкой поглядывал на себя в трюмо сбоку, тайно любуясь своим гибким телом и свежим, красивым лицом. По расписанию сегодня был урок физкультуры, и он заранее предвкушал, как в одной команде со своими друзьями Сенькой и Вадькой будет забрасывать в корзину мячи в спортзале. Мать, еще молодая и сильная, остановилась в дверях, со счастливой улыбкой глядя не его раскрасневшееся лицо, и только отец, заспанный и вялый с похмелья, с кислым выражением понуро одевался в прихожей, нехотя собираясь на работу. А потом после завтрака, когда Генка уже надел ранец, мать поправила ему пионерский галстук, и он, поддаваясь внезапно нахлынувшей на него волне нежности, быстро чмокнул ее в щеку и выскочил во двор... Неужели все это когда-то было? Когда же, когда оно ушло? Впервые после детства ему захотелось вместо привычного в его речи слова "мать" сказать: "мама". Он попробовал позвать ее этим словом во сне, но только слабо пошевелил стынущими губами и застонал. И вдруг родной дом куда-то исчез, и он увидел себя уже почему-то в горах, на узкой и скользкой после дождя дороге, рядом с зияющей пропастью, такой мрачной и страшной, что у него от ужаса заledenело в груди. Мертвая и тяжелая раненная нога тянула его к самому краю этой пропасти, и как ни цеплялся он окровавленными пальцами за острые камни, чтобы удержаться на дороге, все же где-то около полуночи сорвался в эту черную бездну...

Утром сторож, обходя участок, обнаружил у перекрестка двух дорог в заснеженной ложбине скрючившегося, измазанного кровью человека в фуфайке и по его серому лицу с открытыми закатившимися глазами понял, что это покойник. Сторож бегом вернулся в контору садового кооператива и позвонил в милицию. Никаких документов при умершем не нашли, поэтому тело его отправили до выяснения в морг.

А художник Федор Калинин после пережитого потрясения целых два месяца вылежал в лечебнице для нервнобольных и только к Новому году вернулся домой. К живописи он почувствовал такое отвращение, что попросил жену убрать в чулан все свои краски, кисти, подрамники. С полгода он перебивался случайными заработками и временами крепко

бедствовал, однако летом, подзаяв у тестя денюжат и взяв под большие проценты в банке кредит, арендовал бывший цветочный киоск, где стал торговать уже не гвоздиками и розами, а водкой, пивом, сигаретами и разной мелочевкой: не б о л ь ш и м и иконами с изображением на глянцевой бумаге Божьей матери, жвачкой, губной помадой, зубной пастой и вообще всем, что удавалось перехватить завязтки со складов. Постепенно дело пошло, так что иногда к вечеру теперь у него набирается три-четыре тысячи, и он уже подумывает, не открыть ли собственный магазин, для чего частенько заходит в мэрию: нет ли где под х о д я щ е г о помещения? Вот так-с! Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло...

Феликс КАСИМОВ

«Пришельцы» из глубины веков

**(Маршрутами
родной речи)**

Однажды Антон Павлович Чехов негодовал на авторов одной хрестоматии для детей, вышедшей в свет в Париже. Можно смеяться или плакать, но французские невежды, рассказывая о русском государе Иоанне Грозном, утверждали, что он «назван был Васильевичем за свою жестокость...»

За последние века невежество не стало «образованнее», особенно на бытовом, местном уровне. Сколько баек и интерпретированных «исторических» анекдотов можно услышать в нашем крае! А ведь истинная любовь к историческим событиям, старине, остаткам храмов – любовь к отеческим гробам – и есть главная черта патриота – любовь к своей родине, связь многих поколений.

Сошлюсь на П.Вяземского, писавшего: «Наш язык не приведен в систему, руды его не открыты, дорога к ним не прочищена. Не всякий имеет средства рыться в летописях, единственном хранилище богатства нашего языка, не всякий одарен потребным терпением и сметливостью, чтобы отыскать в них то, что могло бы точно дополнить и украсить наш язык, память». Время не пощадило людей, деревянных хором, воспетых в былинах, каменных строений, павших под рукой варваров, прогресс изменял окружающую нас природу... Нам от старины глубокой досталось только Слово, стерегущее память, составляющее историю.

Ставшие привычными названия населенных пунктов, небольших речек, ручьев и озер могут рассказать о многом. Они, как пришельцы из прошлых веков, напоминают об истории нашего края, о людях и народах, живших когда-то здесь.

В книге В.Ф.Барашкова «Топонимика Ульяновской области» отмечается, что значительная часть заволжских селений получила имена своих основателей или первых владельцев. Как указывает автор, село Енганаево, что вблизи Чердаклов, возникло в 1661 году, когда Янгонайко Кадышев приобрел земли на берегах речки Урень. В тот же период в Старомайнском районе появилось село Жедяевка, где первоначально поселились польские шляхтичи во главе с Жедяевским, а также Матвеевка, названная по фамилии основателя. Несколько позже другой первопроходец по имени Брянда поселился на месте нынешнего Бряндино. Не исключено, что Якушка и Малыкла также имеют именную основу (Якуш и Малик). Однако в последнем случае более вероятно другое объяснение; в башкирском языке слово «малик» означает «владелец, собственник». Соответственно, Малыкла может означать - «принадлежащая хозяину, княжеская».

Название деревни Сабакаево связано с чувашским именем Сабакай. Версия об известном купце Собакине, близком родственнике одной из жен Ивана Грозного, в этом случае не правомерна, так как огромные владения Собакина находились на правом берегу Волги, вдоль рек Сура и Свияга, а также вблизи Нижнего Новгорода. В нашем районе земель Собакина не было.

В архивных документах прошлых веков не раз упоминаются владения Ивана Рязанова, имевшего земельные наделы «за Волгою рекой». Именно он в конце XVII века основал известное село Рязаново.

Кроме указанных В.Ф.Барашковым, фамильную основу имеют многие другие населенные пункты нашей области. В частности, деревушка Асаново, расположенная в 10 километрах от Русского Мелекесса, напоминает об огромных родовых владениях князей Асановых. Еще в 1597 году, за полвека до строительства Закамской черты, царским указом «служилому татарину Якову Асанову» на левом берегу Волги, «на ногайской стороне», были дарованы земли, леса, луга, рыбные ловли, бортные ухodia и бобровые гоны от устья Майны до старого синбирского городища (район бывшего села Кайбелы). Практически вся территория

нынешнего Чердаклинского района принадлежали князю Асанову и его потомкам.

Многие названия имеют географические или исторические корни. Так, Сахча в переводе с татарского означает «сторож». Село Старая Сахча было построено как сторожевой пост вблизи Закамской черты. Отсюда велось постоянное наблюдение за кочевниками и в случае их приближения сообщалось в Тиинский острог.

Слобода Выходцева построена во второй половине XVII века «выходцами» из Тиинского острога. Кстати, Терентьевка и Лесная Васильевка также были основаны тиинскими крестьянами, переселившимися на свободные земли в тот же период.

Несколько селений на границе с Татарстаном имеют общее название Юрткуль (Русский, Базарно-Мордовский, Степной и др.). Это слово произошло от двух монгольских корней: юрт - пастбище, куль - озеро. Когда-то здесь рядом с удобным водоемом находилось хорошее пастбище. Упоминание об этом озере, именуемом в прежние времена «Долгое-Озеро», встречается в документах середины XVII века.

Отклонение от общей закономерности ведет порой к неожиданным находкам. Все лесничества Мелекесского лесхоза названы по главным населенным пунктам - мулловское, лебяжинское, никольское и т.д. Исключение составляет Красноармейское, что в окрестностях Бряндино. Это название справедливо связывали с жестокими боями во время гражданской войны. Но дело еще и в том, что в этом районе, у истоков речки Сосновки, до 50-х годов был небольшой поселок Красноармейский.

О дремучих лесах и грозных зверях, бродивших в наших краях, говорят Медвежий овраг вблизи села Вишенки, а также местечко Медвежевка неподалеку от станции Бряндино.

Далеко не всегда «прямолинейное» объяснение дает правильный ответ. Характерный пример - села Большая и Малая Кандаля. Иногда можно услышать, что такое «тяжкое» название связано с опасными преступниками, закованными в кандалы. В подтверждение говорят о бывшей здесь исправительно-трудовой колонии, которая будто бы находилась на месте старых царских ссылок. Однако никакой криминальной подоплеки здесь нет. Царских ссыльных в Кандалях никогда не было, а местная ИТК образовалась сравнительно недавно и действовала во время войны, снабжая дровами многие предприятия Ульяновска.

В тюркских языках «кандала» - это известное растение донник. Сначала так называли речку, берега которой заросли этой травой,

а затем и местные поселения.

Стоит напомнить, что переселенцы, переходя на новые места, часто сохраняли названия своих родных сел, деревень и речушек. В частности, наш Мелекес, возникший в 1698 году, основали выходцы из одноименной деревушки, которая находится неподалеку от Набережных Челнов. В том же регионе есть ряд других созвучных топонимов - Мелькень, Мензеля, Меллятамак и т.д. Возможно, что в их основе лежит название одного из древних булгарских племен - «мелля».

Из глубины веков пришло название Большого и Малого Черемшанов. В бассейне этих рек находились основные территории Булгарии Волжско-Камской и эти реки для древней страны являлись не только водными артериями. В окрестностях Биляра (столица Булгарии в домонгольский период) у мощного источника, стекающего со склонов красивой горы, в давние времена постоянно совершались обряды жертвоприношения. Здесь находилось священное для булгар место - «Джавышер». Именно отсюда пошло название всей реки, которая в древности именовалась Джарамшаном. Упоминание о ней имеется в документах тысячелетней давности.

Названия многих городов и сел, озер и речушек пока еще не находят точного объяснения. Это касается не только нашего края; Москва, Волга, Самара и другие хорошо известные собственные имена не имеют однозначного толкования. Их корни, уходящие в далекое прошлое, отыскать очень непросто. А что означают наши Письмирь, Сантимир, Курлан, Колончак? Может быть Тюгальбуга (село в Новомалыклинском районе) связано с татарским ханом Тюля-Бука? Кто знает, может быть, Сускан (Мелекесский район) был основан выходцами из Сибири, где растут кедровые леса («сус» - кедр, «кан» - место)? Ответы на эти и многие другие вопросы ждут своих первооткрывателей.

И все же особый интерес для нас представляют так называемые микропонимы, т.е. названия небольших, малоизвестных географических объектов. Это может быть лесное озеро или ручеек, приметная гора, особое место на берегу реки. Они обычно не обозначены на стандартных картах и известны только местным жителям, да и то далеко не всем.

Хорошо знакомое многим димитровградцам название «мост Гау» произошло от собственного имени. В первой половине прошлого века американский инженер по фамилии Гау разработал особо прочные конструкции деревянных мостов. Их широко применяли в России и использовали, в частности, при постройке первого деревянного моста через реку Черемшан. Нынешнее

железобетонное мостовое сооружение никакого отношения к инженеру Гау не имеет, однако старое имя надежно сохранилось.

С историей нашего города связано и другое название - «курмыш». Так сторожилы обозначают местечко, расположенное на левом берегу Мелекесски, пониже плотины Нижнего пруда. Вообще говоря, «курмыш» - это небольшая чувашская деревушка. И совсем не случайно это слово применяется в этом районе. Ведь именно здесь три столетия назад возникло чувашское поселение, давшее начало современному Димитровграду.

Однажды случайный попутчик, объясняя дорогу к заливу в районе села Рязаново, употребил незнакомое слово «ямщина». «Как ямщину проедешь, поворачивай направо, к морю», - говорил он. На мои недоуменные расспросы он только пожимал плечами: «Не знаю почему «ямщина», отец так говорил». А ведь название очень интересное. Прежде рядом с Рязаново проходила большая дорога к Симбирску с переправой около села Никольского. Скорее всего, от дорожных ямщиков и ямов (почтовые станции на дорогах) пришла к нам старинная «ямщина».

Из множества исторических личностей, бывших в Среднем Поволжье, особо выделяются два знаменитых человека - Степан Разин и Емельян Пугачев. О них написаны романы и песни, сложены легенды и предания. Но дело не только в этом. Во многих местах есть приметные горы и утесы, темные пещеры и овраги, названные их именами. Все, что как-то отличается от привычной действительности люди неизменно связывают с Разиным или Пугачевым.

На подробной карте около деревни Юданово (район Бригадировки) обозначено «урочище Степана Разина». Оно расположено в лесу, на склоне холма и со всех сторон окружено высокими земляными валами. Вероятно, кому-то показалось, что здесь мог быть укрепленный лагерь повстанцев. Однако народный герой в этих местах не бывал; от Самары к Симбирску его отряды плыли по Волге и не уходили далеко от берега. На самом деле «урочище» это остатки древнего болгарского городища, которое существовало тысячу лет назад. Подтверждением служат другие местные названия; на карте рядом с «урочищем» особо отмечены «городищенский лес» и «городищенский овраг».

Село Верхняя Якушка прежде называлась Калмыцкая Сахча (сторож, защита). Это поселение вовсе не предназначалось для защиты от набегов кочевых калмыцких племен. Напротив, вся обширная территория между Черемшаном и Кондурчей в середине XVIII века была отдана именно калмыкам, часть которых

в то время приняла православие. Некоторые из них перешли на оседлый образ жизни и были поселены в укрепленных городках для защиты заволжских границ России.

Многие рыбаки знают островок «Хохлы». Это название напоминает о давних исторических событиях. В 1908 году в России по инициативе Столыпина была принята земельная реформа, после которой началось массовое переселение крестьян в малозаселенные районы страны, в основном в Сибирь, Приамурье и Дальний Восток. В Поволжье свободных земель практически не было и все же смоленским крестьянам каким-то образом удалось выкупить заброшенные угодья в нескольких километрах от Лебяжьего. Так, в 1910 году на берегу Черемшана появилось несколько так называемых переселенческих участков. И это место, и самих переселенцев жители соседних деревень окрестили «хохлами», хотя украинцев там вовсе не было. После затопления от участков остался небольшой островок, сохранивший исторически неверное, но такое привычное название - «Хохлы».

Теперь поговорим о черемшанских ярах. Зимник, Ветляк, Барсук, Черторой, Светленький, Серебряк - сердце какого рыбака не дрогнет, услышав имена этих и других яров. Однако мало кто знает об происхождении знакомых названий. Конечно, некоторые объяснить не сложно, поскольку назывались они по внешним признакам. Коряжный, Бревнистый, Долгий, Сосновый - все это просто и понятно. В Глинке поперек реки проходит мощный пласт глины, перегораживающий почти все русло. Лопушной яр почти полностью зарос водной растительностью. Бывший «Казенный лес» (район Курлана) находился рядом с одноименным яром. До сих пор там сохранились полуразрушенные валы, защищавшие лес от полевых пожаров. Яры Большая и Малая Лопата расположены неподалеку от лесного озера с таким же названием, которое по форме напоминает известный инструмент. Вообще-то лопатой довольно часто называют место, где узкий овраг выходит в широкую долину. Именно по этому признаку получила свое имя деревушка Лопата, что рядом с селом Никольским-на-Черемшане.

Спускной яр, расположенный у дачных участков около фирмы «Олимп», самый близкий к городу. Неподалеку есть Спускное озеро, что и определило это рыбацкое название. По другой версии оно связано с удобным спуском к Черемшану, по которому стада в прежние годы спускались на водопой.

Чуть дальше спускается Зимник. Этот яр напоминает о тех благодатных временах, когда большие косяки рыбы заходили в верховья реки. В этом месте вела добычу промысловая артель, оставляя свое хозяйство и на зимний период. Есть и другое

объяснение. Дело в том, что после ледостава здесь обычно пробивали короткую дорогу на Якушку - зимник.

Названия, связанные с охотничьими или рыбацкими зимними становищами, весьма распространены. Рядом с выше упомянутой деревней Лопата был поселок Зимницы, названный, очевидно, по бывшему здесь зимовью. К настоящему времени этого поселка уже не существует, однако старое название сохранилось: наиболее перспективное месторождение нефти в нашем районе геологи называли Зимницким.

Название яра Кресты объясняется тем, что в этом месте в Черемшан с двух сторон, друг против друга, впадали два небольших ручья, образуя своеобразный водяной крест. Интересно, что тот же принцип используется в ряде других случаев. Так, село Крестово-Городище Чердаклинского района (ныне затоплено) было названо по двум пересекающимся протокам, которые проходили рядом с древним болгарским поселением.

В районе Бригадировки находится Попова Яма. Местные жители считают, что когда-то в этом яру утонул бригадировский поп. Но, по нашему мнению, это название имеет фамильную основу. Дело в том, что многие Поповы играли заметную роль во времена освоения нашей местности. Федор Попов возглавлял общину елабужских крестьян, ушедших сначала за Каму, а затем переселившихся на Закамскую черту и чуть позже на речку Мелекесску. Пантелей Попов основал первый винокуренный завод в верховьях этой речушки. На подробных картах многие места обозначены этой фамилией: овраг и ручей Попов возле Русского Мелекесса, Попово озеро недалеко от Старой Сахчи, овражек Попов у Тиинска и т.д. Может быть, среди Поповых были заядлые рыбаки, любившие порыбачить в Черемшане или произошла трагедия и кто-то из них утонул в быстрой реке; так и возникло это название - Попова Яма. Кто теперь может вспомнить об этом?

По дороге от Бригадировки к Письмирю находится крутой подъем, перед которым протекает небольшой ручей. Вся эта местность называется «урочище Буркова гора» по фамилии бывшего бригадировского помещика Буркова, имевшего здесь мельницу. Отсюда название одного из ближайших яров - Бурковы Пески.

Имя другого местного жителя сохранил небольшой яр - Донцов Коряжник. В том же районе расположены два других черемшанских яра - Верхний и Нижний Серебряк. Это название связано, вероятно, с фамилией одного из старожил Мелекесса, ведь в старой части города есть улица Серебрякова. Однако чем

был знаменит этот человек выяснить не удалось.

Упомянув о Бригадировке, отметим, что село не сразу получило это привычное для нас имя. В ревизских сказках 1743-47 г.г. оно упомянуто как Языково, а Бригадировкой стала не позднее 1773 года. Несложно предположить, что переименование было связано с какими-то заметными армейскими событиями (чин бригадира в русской армии был промежуточным между генералом-майором и полковником). В те годы в Поволжье неоднократно отмечались крестьянские выступления. Для их подавления на Закамскую черту направлялись дополнительные отряды, которыми некоторое время командовал бригадир Хрущев. В частности, он участвовал в подавлении башкирского мятежа 1736 года. Хотя основной гарнизон стоял в Мензелинске, но бригадир Хрущев, возможно, бывал в других острогах и ближайших к ним селениях, в том числе - Языкове, что могло стать поводом для изменения названия.

В коротком очерке невозможно даже просто перечислить все интересные топонимы. Часть из них пока не имеют достоверных объяснений. Не ясно, что означает Скуриха (бывший лесной кордон, давший название известному черемшанскому яру), откуда произошли названия озер Чанжай, Дигаи, переката Баянда; с чем связаны такие любопытные названия, как Атаманова Гора (около Сахчи, за Черемшаном), Красильная поляна (район лагеря «Лада») и многие, многие другие.

Александр Блок осенью 1920 года, говоря об эмиграции, заметил: «Я могу пройти незаметно по любому лесу, слиться с камнем, с травой. Я мог бы бежать. Но я никогда не бросил бы России...» Мы вглядываемся в то, что было, что

есть, культуру народов Причеремшанья, - ищем черты, роднящие нас. Вглядываясь в молчаливо-загадочные страницы истории, пытаемся приоткрыть загадки и откровения, и многие факты приоткрываются нам в новом смысле старых имен, иные - не спешат стать приобретением современной истории... А назидательный смысл наших поисков в том, чтобы, осознав прошлое, - осознать самих себя. Туча, не пролившая дождя над засохшей землей, - говорят в народе, - оборачивается людской гибелью... Слово, утаившее смысл от его употребителей, - обернется тем же для культуры нации, ее разума.

**Лидия
СТЕПАНОВА**

**«Я ведь так
люблю
общенье...»**

Стишата _____

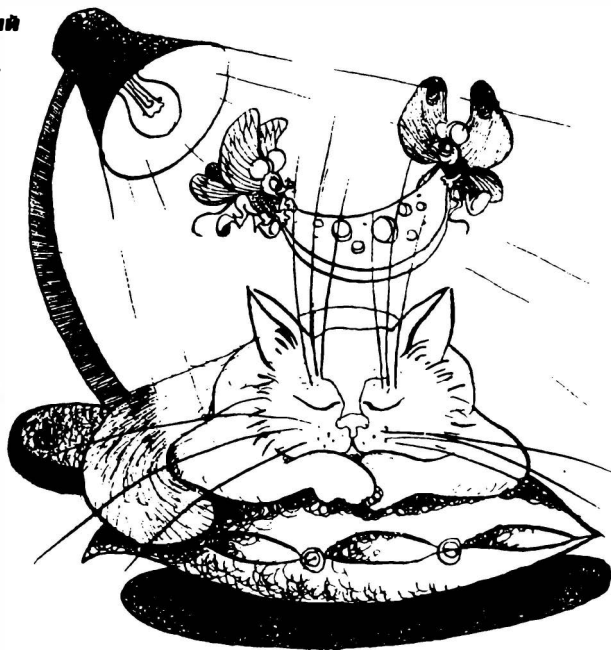

КОТ ТИША

Кот наш очень тихий
Тиша.
Он совсем не ловит
мышек.
Он и рад бы их
поймать,
Да не знает, где
искать?

В доме много
этажей,
Только нет совсем
мышей.
Лишь во сне
тишайший Тиша
Видит много-много
мышек.

Он поэтому опять
На бочок - и снова
спать.
Хоть во сне наш
тихий Тиша
Поохотится на
мышек!

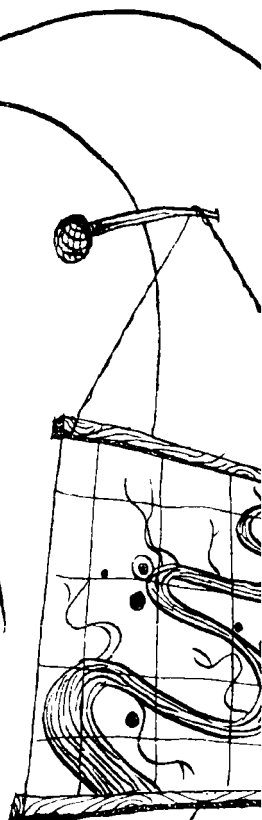
В ДЕРЕВНЕ

Хорошо у
бабушки в
деревне!
Летом там живу,
как королева
Есть там у меня
зеленый луг,
Речка есть, и есть
хороший друг.
С другом там мы
бродим,
где хотим.
Захотим - у речки
посидим,
Рыбу в ней
половим мы -
плотву,
Захочу - нырну
и поплыву!
Напугав зеленую
лягушку,
Вытащу я
скользкую
ракушку.
Надоест сидеть
нам у реки, -
Побежим на луг
вперегонки.
Там такие
бабочки летают!
Там цветы
головками
кивают.
Я цветов красивых
наберу -
Бабушке снесу их
поутру.
Хорошо у
бабушки в
деревне!
Летом там живу,
как королева.

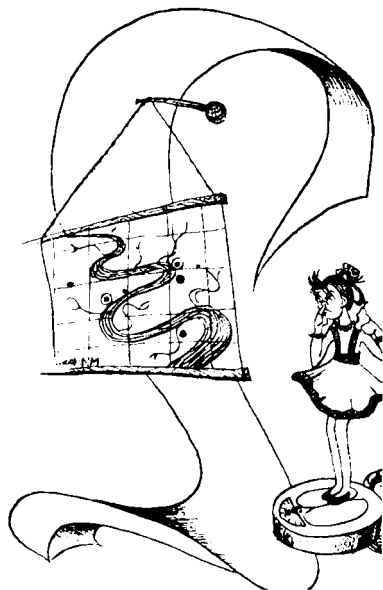

БОЛТУШКА

Говорят, что я болтушка,
На уроках не молчу.
Просто я своей подружке
Что-то рассказать хочу.
Говорят, до перемены
Можно как-то обождать,
И тогда на перемене
Все, что хочешь, рассказать.
Ну, а если я забуду
То, что важно очень-очень?
Например, что скоро буду
Я худеть, а это - точно!
А для этого, - шепчу я, -
Хлеб совсем не стану есть.
Если очень захочу я,
Сброшу килограммов шесть.
- А зачем? - в ответ подружка, -
- Ты и так у нас стройная!
- А затем, - я ей на ушко,
Что я в Петю влюблена.
Лишь успела я ответить,
Слышу:
- Баева! К доске!
Ты согласишься с тем, что Петя
Рассказал нам о реке?
- О какой реке? Не знаю...
Что-то мямлю, чуть шепчу,
И совсем я замолкаю,
И, потупившись, молчу.
- Что же, Баева,
с тобою?
Ты так любишь
говорить!
Что же делать нам
с тобою?
Видно, к двойке
будешь «плыть»!

- Нет! - прошу. - Не надо это!
 Я забуду все секреты!
 Буду молча я сидеть
 И на карту все глядеть!
 - Хорошо. Пока прощай.
 Так, ребята! Продолжаем!
 Лишь учитель отвернулась,
 Я к соседке повернулась,
 Прошептала:
 - Дальше слушай!
 Вместо хлеба только груши!
 Слышу:
 - Баева! Вставай!
 Быстро мне дневник давай.
 Записать в него хочу,
 Чтоб сходила ты к врачу.
 Как лечить, он точно знает,
 Тех, кто много так болтает.
 - Ну, зачем же мне к врачу?
 Нет! К нему я не хочу!
 Чтоб испортить настроенье?
 Я ведь так люблю общенье!

МОРЕ ТИШИНЫ *Прозочка*

Странные все-таки эти люди! Если у них нет работы, то они ее сами себе придумывают.

Например, они покупают ковры, чтобы собирать и копить в них пыль, а потом эту пыль из них выколачивать. Потом снова копить, чтобы снова выколачивать.

Особенно по субботам во дворах стоит такой грохот и хлопанье! Бедная тишина! Она не знает, куда ей деться от оглушительных ударов. Она улепetyвает со дворов, потихоньку заползает в щели дверей и в форточки, чтобы притаиться в углах жилищ до поры, до времени.

И лишь ночью, когда уже перебыют все ковры, успокоятся все гавкающие собаки, угомонятся кричащие моторы машин, улягутся в углах прижохив уставшие за день мячи, - лишь тогда тишина без страха выползает из всех щелей и... устраивает свои концерты.

Тишина звенит тоненькими-претоненькими голосами, подзванивает тонюсенькими колокольчиками и подыгрывает на незримых скрипочках. Но эту утонченную переливчатую музыку тишины мало кто слышит. Ведь люди ночами спят.

Лишь несколько одиноких сердец настраиваются в резонанс с тишиной, к ним приходят сладкие грезы, несбыточные фантазии и добрые воспоминания. Но их мало, таких людей, которые умеют и любят слушать тишину.

А в одном городке его жители купили столько ковров, что не успевали выбивать их днем, и стали прихватывать для этого занятия и ночи.

Несчастливая Тишина! Ей, ну, просто некуда стало деваться! Она окончательно разобиделась на людей и однажды ночью уплыла далеко-далеко, за тридевять земель. Она переселилась на один теплый остров, найдя на нем одно хоршее местечко в углублении среди скал, куда даже ветер никогда не залетает. Вот уж где без помех она смогла насладиться своим музицированием!

Остров был мал и необитаем, и все суда обычно проплывали мимо. Но однажды на этот остров завернул один богатый человек, который странствовал на своей яхте. Он пресытился шумом и блеском больших городов и ему хотелось тишины и покоя.

Вот здесь-то он и нашел то, что искал. Он услышал необыкновенно красивую музыку Тишины, и эта волшебная музыка словно убаюкивала его, и он уносился куда-то в заоблачные выси на крыльях мечты.

Благодарный путешественник назвал это место Морем Тишины и решил привозить сюда туристов со всего света - слушать Тишину.

А в том городе, откуда навсегда ушла Тишина, людям стало жить как-то беспокойно и неудобно.

Они затосковали по Тишине, но было уже поздно. Теперь, чтобы насладиться Тишиной, нужно было добираться до того далекого острова. А там, у Моря Тишины, посидеть наедине с собой под музыку маленького оркестрика Тишины, разобраться спокойно в своих мыслях, ощутить дыхание Вечности.

Что делать! Так устроен мир, что человек никогда не знает, что ему в жизни нужнее и все покупает и покупает ковры.

Надежда ПРОХОРОВА

«Золотой» от Льва Толстого

В нашей музейной практике случаются иногда встречи с людьми, чья память хранит удивительные вещи. Как яркая вспышка света озаряет на мгновение темноту, так и память этих людей вдруг выхватывает из небытия цепочку событий. Одним из таких удивительных событий, рассказ о котором передавался в семье Корчиных из поколения в поколение, стала встреча со Львом Николаевичем Толстым.

Но вначале о самой рассказчице. Анюта Адамова (в замужестве Анна Петровна Корчина) в 1887 году в возрасте 7 лет была привезена из села Хвостиха в село Зиновьевку Карсунского уезда Симбирской губернии (ныне село Новый Дол Барышского района) и поселена на конюшне. Что побудило отца пойти на такое: нужда или нелюбовь к дочери - сложно сказать. Но с того самого дня жизнь девочки накрепко связалась с Зиновьевкой - родовым именем.

Хозяину Зиновьевки - генералу Петру Федоровичу Дурасову симбирский театрал доводился прадедом. В отличие от пращура, его интересовали лошади. Имел конезавод, гордостью которого был жеребец-рекордсмен Крепыш, взявший немало призов (говорят, даже фильм о нем есть).

Петр Федорович был женат вторым браком на небогатой дворянке Александре Федоровне (возможно, ее девичья Фамилия Романовская) - женщине очень красивой и своенравной. "В возрасте 40 лет она получила приз в столичном конкурсе «по фигуре».

Вот к ней-то в услужение и была переведена Анюта, когда подросла. Она выполняла работу горничной, да еще выгуливала... попуся, причем «русского», т.к. был еще "английский", обученный иностранным фразам, и сопровождавший Александру Федоровну во всех ее поездках.

В 1894 году П.Ф.Дурасов внезапно скончался в Самаре. Ходили разговоры, что он застрелился, поводом к тому могла стать ревность.

Вскоре Александра Федоровна вышла замуж за графа Александра Павловича Толстого - Остермана-Кутузова, генерала в запасе с 1849 года, уроженца Рязанской губернии. Своих поместий в Симбирской губернии у него не было, поэтому проживал он в имении жены, в Зиновьевке.

По воспоминаниям А.П.Корчиной, здесь был роскошный парк со сливами и абрикосовыми деревьями, а вдоль главной аллеи цвели розы по одну сторону белые,

На снимке граф А.П.Толстой-Остерман-Кутузов, с.Зиновьевка, конец XIX - начало XX в.в.

*На снимке: семья
Корчиных: Николай, Степан
Васильевич, Анна Петровна,
фотография Букина, посад
Мелекесс, 1913 г.*

по другую- красные. В конце весны - начале лета парк благоухал чудесными ароматами. Именно на это время, начиная с Пасхи, приезжала сюда графская чета. Здесь они жили всего лишь три месяца в году, всегда в одно и то же время. В отсутствие графини многочисленной дворней командовала эконожка, пожилая, суровая женщина. Погреб имения помились от съестных запасов, и дворня не бедствовала. И делу было время, и потехе час. (Дворовый мужик Мишка, шутки ради, обучил попугая русским бранным словам, за что получил хороший нагоняй от графини).

Остальное время года по три месяца Толстые проводили поочередно в Москве, Петербурге, за границей, четко

следуя установившемуся порядку.

Цепкая память Анны Петровны сохранила даже такие незначительные детали графского быта, как «контрабандные хитрости» Александры Федоровны, вывозившей десятки метров тонких кружев для многочисленных нарядов, обернув их вокруг тонкой талии.

К своей горничной, сироте при живых родителях, графиня была добра и великодушна, что Анна Петровна всегда отмечала.

В 1905 году (в это время муж Анны Петровны - Корчин Степан Васильевич - воевал с японскими самураями), летом, когда чета Толстых, как обычно, жила в имении, их посетил именитый гость - писатель Лев Николаевич Толстой.

Привожу воспоминания Анны Петровны, записанные со слов ее дочери Людмилы Николаевны:

- Пришел Лев Николаевич к обеду. Со станции шел пешком. Одет он был в длинную подпоясанную холщовую рубашу. Обут

был в сапоги. Запомнилась длинная седая борода. Появление его было внезапным, так как в имении в этот час никого не ждали. Камердинер не пропустил гостя, одетого в простую крестьянскую одежду, и на просьбу пригласить хозяев грубо спросил: «Кто ты такой?» Толстой вынул визитную карточку и попросил передать хозяевам. Камердинер, не глядя (по-видимому, был неграмотным), поднялся в гостиную и со словами: «Там старик, велел Вам передать», вручил визитку. Что тут началось! Все соскочили с мест, и с возгласами: «Дядя, дядя приехал!» бросились вниз. «Что же Вы пешком, мы бы послали за Вами тарантас?!» Вместо приветствия последовал ответ Толстого: «У вас встречают не по уму, а по одежде».

Здесь мне хотелось бы прервать воспоминания Анны Петровны и обратиться к письмам И.Е.Репина.

«Те современники, кому посчастливилось встречать Толстого, отмечали, как главную особенность его облика, сочетание в нем черт мужицких и аристократических: мужицкая борода, грубые, привычные к физической работе руки, простая, наподобие крестьянской, одежда, но в его осанке до конца дней сохранялась такая величавость, что рядом с ним, хотя он был среднего роста, все казались меньше, стушевывались: он начинал говорить, и всех зачаровывала сдержанная гордость его речи, благородство и грация жестов» (Репин И.Е. Письма к писателям и литературным деятелям. М., 1950 г.).

Толстому отвели комнату, а Анну приставили убирать ее и чистить сапоги. От последней услуги Лев Николаевич категорически отказался, и сапоги чистил сам. Много хлопот он доставлял повару-буфетчику, так как не ел ни мяса, ни рыбы, ни сливочного масла (говорил: «не ем того, что от животных»). Повар проклинал его и не чаял, когда тот уедет. А между тем, для Льва

На снимке: графиня
А.Ф.Толстая, г.Москва, конец
XIX - начало XX вв.

Николаевича готовили всевозможные грибные соусы, пекли булочки.

Рано утром Толстой уходил из дома, гулял по парку, косил траву. Во время одной из таких утренних прогулок Анна Петровна повстречала его на парковой аллее. Она выгуливала попугая, держа его на золотой цепи, прикрепленной к лапке.

С почтением - «Ваше сиятельство» - приветствовала Л.Н. Толстого (все в доме называли его не иначе, как «Ваше сиятельство»). На что Лев Николаевич ответил: "До свидания, сегодня я уезжаю". И протянул ей руку. Молодая женщина была смущена и удивлена: на его ладони лежал золотой.

В Зинovieвке Толстой пробыл недолго - чуть больше недели, но эти дни навсегда врезались в память Анны Петровны. Вспоминала она часто, и спустя много лет внучка почти дословно воспроизводила каждую фразу бабушки.

Здесь можно было бы поставить точку, если бы...

Если бы не необходимость начать новое повествование.

Захотелось узнать, что известно ульяновским краоведам о пребывании Л.Н. Толстого на симбирской земле. Обратившись с таким вопросом к Л.Ю. Ершовой, я получила следующую информацию: в 1869 году 10-11 сентября Л. Толстой был в Симбирске проездом из Пензы. Так как в городе у него знакомых не было, то остановился в гостинице. Впоследствии он имел лишь переписку с некоторыми симбирянами: актером Андреевым-Бурлаком, поэтом-беллетристом Жиркевичем, с крестьянами. Относительно его приезда летом 1905 года сведения вообще отсутствуют. В дневниках Толстого за 1905 год каких-либо упоминаний о поездке в Симбирскую губернию также не обнаружено. Лев Николаевич был очень болен в это время никуда не выезжал. И все же... Может быть, описанный выше факт - из разряда неизвестных в биографии писателя?

Кем ему доводился граф Александр Павлович Толстой? Судя по обращению «дядя» и по разнице в возрасте в 21 год - племянником. Л.Н. Толстому тогда было 77 лет, а Александру Павловичу - 56. Что их связывало и какова была цель приезда? Возможно, краоведам, старожилам, особенно Барышского района, что-либо известно об упомянутом факте? Там, в Новом Доле еще стоит помещичий дом, в котором останавливался Л.Н. Толстой, и в котором до 1921 года, до своей кончины, жила графиня А.Ф. Толстая. Впоследствии здесь разместился детский дом. От роскошного парка остались одни воспоминания.

Небезынтересна и судьба супругов Корчиных. В 1906 году после японского плена вернулся в Зиновьевку Степан Васильевич с Георгиевским крестом на груди. А вскоре у них родился сын Николай. В первую мировую Степан Васильевич снова воевал, став полным Георгиевским кавалером (в 1933 году, во время голода, сдал он все свои награды в Торгсин). Незадолго до войны переехали Корчины в Мелекесс, жили у родственников на квартире. Степан Васильевич работал ключником на спиртзаводе Константина Григорьевича

Маркова в Мулловке. Сын Николай стал военным, довелось и ему повоевать во вторую мировую, но был тяжело ранен на Курской дуге, от ран скончался в госпитале.

В семье Корчиных сохранились не только воспоминания о встречах с Толстым, но и предметы, принадлежавшие графине (фотографии, шкатулка-яйцо, керамическая кружка), а также редкие фотографии из семейного архива. Мы благодарим родственников, передавших все это в фонд музея.

На снимке: шкатулка для драгоценностей - подарок графини, конец XIX в.

Евгений ЛАРИН

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

**Документальная
повесть**

(Продолжение.
Начало в сентябрьском номере)

10.

Такой богатой домашней почты у меня еще не было.

Буквально всю неделю я получал из Москвы то письмо, то увесистые бандероли.

Неделя началась с письма от Заяры Веселой - дочери знаменитого писателя Артема Веселого, погибшего в годы кровавой сталинской мясорубки. И я был очень рад, что мое недавнее знакомство с Заярой получило такое приятное продолжение.

В письме Заяра благодарила меня за книгу стихов Марины Цветаевой и передавала признательность от мужа-писателя Владимира Муравьева, которому я посылал набор открыток тридцатых годов о старой Москве. Он, как автор многих книг на исторические темы, пристально интересовался всем, что связано с нашей древней столицей. Об этом, кстати, он и написал превосходную книгу «Московские литературные предания и были». Вот Владимир в след за письмом Заяры и прислал мне бандероль с двумя своими книгами.

А потом пошли бандероли от Заяры.

Сначала она прислала «Книгу для чтения по истории средних веков». Книгу эту я не однажды видел в нашем книготорге, но не обратил внимания. А тут полистал и приятно был удивлен, увидя три солидных очерка Заяры о Леонардо да Винчи, кардинале Ришелье и Франсуа Рабле.

Дарственная надпись была немногословна: «Евгению

Степановичу Ларину - полсотни страниц из этой книги. Заяра Веселая.» И я сразу же принялся за чтение этих страниц, повествующих о всемирно известных личностях.

Все три очерка Заяры были написаны живо и интересно. Без досужей описательности и сухих биографических данных они начинались с ярких сцен из жизни героев, чья известность и слава давно уже вышли за пределы Италии и Франции.

Но самым дорогим для меня присылом от Заяры была бандероль с романами Артема Веселого «Россия, кровью умытая» и «Гуляй Волга» с надписью: "Евгению Степановичу Ларину дарю эту книгу со смешанным чувством грусти и радости - сегодня, 30 сентября, в день рождения Артема"...

Личность Артема Веселого (Николая Кочкурова) меня интересовала давно. Коренной волгарь-самарец, бывший рыбак и чернорабочий, он на разломе двух эпох оказался в гуще революционных событий. Летом 1918 года он участвует в боях с белочехами, а в середине декабря приезжает в Мелекес, где становится секретарем укома партии и редактором основанной им уездной газеты «Знамя коммунизма». В этом качестве он и запомнился многим мелекесским активистам той горячей и бурной эпохи.

Я хорошо был знаком со старожилами города В.Матвеевым, М.Миусовой, В.Кисиним, А.Алексеевой, Ф.Калугиным, М.Пискаловой, помнившими молодого и энергичного Николая Кочкурова. Да и мой двоюродный брат, известный генерал В.М.Баданов, не единожды общался с ним в ту пору. К сожалению, воспоминания их были скудны и кончались мартом девятнадцатого года, когда Н.Кочкуров снова был отозван в Самару. Мне же хотелось узнать о трагической судьбе Артема более подробно, но других источников, увы, почти не было.

Правда, в золотую пору хрущёвской оттепели десятки писателей, в том числе и А.Веселый, были посмертно реабилитированы. И вот в 1958 году, через двадцать лет забвения, был издан почти семисотстраничный однотомник произведений Артема. Одним из счастливых обладателей этого издания стал и я, полагая, что наконец-то вступительная статья о писателе ответит на многие мои вопросы. Да, автор статьи М.Чарный обстоятельно рассказал о ярком и своеобразном творчестве Артёма, но, говоря о судьбе его, ограничился всего-навсего обтекаемой фразой: «Его полная творческого нетерпения и труда жизнь оборвалась рано». Вот и гадай, что с писателем случилось: то ли утонул, то ли попал в аварию, то ли жизнь оборвалась после долгой и продолжительной болезни, как обычно пишут в некрологах.

Не внесла ясности и присланная Заярой книга. В послесловии

за ее подлиску об отце и судьбе его было сказано до обидного мало. Даже дочери писателя партийная цензура позволила сказать лишь расхожее малоутешительное заключение: «После исторического XX съезда КПСС произведения Артема Веселого вновь стали достоянием читателя». Что-то, а дозировать печатное слово «фармацевты» партии умели превосходно. Все мрачное и негативное в советской истории ими умалчивалось, усекалось. Даже сакраментальное словосочетание «культ личности Сталина» в печати стало употребляться в усеченном виде - «культ личности». И все. Остальное - «догадайся, мол, сама».

11.

Разбирая московскую почту за неделю, я не мог не обратить внимания на подозрительные надписи: «Поступило в поврежденном виде». Что же касается «повреждений», то они всякий раз походили одно на другое: края конвертов и бандеролей были до того измочалены, словно их от самой столицы-матушки тащили волоком, вот их и повредило на неровном пути. А когда я сравнил надписи о повреждениях, то убедился, что все они сделаны одинаковым почерком. Значит, кто-то любопытательный сует нос в чужую переписку. Конечно, я сразу решил, что этим любопытным типом может быть только кто-то из гебистов. И это меня насторожило.

Забрав папку с конвертами, я обратился в свое отделение связи и изложил работникам почты суть дела. А они и сами подтвердили, что «ветхие» конверты в мой адрес поступали не один раз, только вот пометки о повреждениях сделаны не ими. Попытка что-либо узнать у сортировщиков почты на железнодорожном вокзале тоже ни к чему не привела, и я поделился своей тревогой со знакомой киоскершей, показав ей подозрительные автографы.

- На сортировке почты частенько стал бывать гебешник Храмов, а кто-то из его соратников постоянно нас здесь курирует, - доверительно сказала она.

- Не их ли рук это дело? - кивнул я на свою папку.

- Не знаю. Но вскрывать могут и в почтовом вагоне...

Новость эта меня серьезно озадачила. Если гебисты делают своё нечистоплотное дело почти открыто, то чем вызван их обостренный интерес к моей переписке? Кто у них на подозрении - я или те, с кем я переписываюсь? А, впрочем, какое это имеет значение - кто? В любом случае на крючке обе стороны. И хотя я в письмах не касался острых тем, все равно на душе было неприятно от сознания того, что кто-то подсматривает да подслушивает. Но что делать, если не только я, а вся страна знала о том, что тайны переписки у нас не существует со сталинских времён, что нередко

На
снимке:
дочь
писателя
А.Веселого -
Заяра и
Евг. Ларин

в ту пору за одно неосторожное слово шли на свою Голгофу миллионы советских граждан. Яркое тому подтверждение - переписка в годы войны капитана А.И. Солженицына со своим другом. Да и в Мелекессе я знал многих пострадавших за анекдот, частушку или словечко, сказанное под горячую руку. На этом, кстати, погорел и писатель Александр Лебедев. В начале тридцатых годов он выезжал по вопросу коллективизации в одну из южных республик, где нагляделся на произвол властей, на великие бедствия народа. Так вот он мне рассказывал: на обратном пути, в самолете, он сказал рядом сидящему писателю всего одну фразу: «А не перегибаем ли мы?» И этого было достаточно, чтобы прямо на аэродроме его арестовали. В результате - четырнадцать лет лагерей, после чего ссылка, которую он отбывал в нашем городе.

Невольно вспоминается и случай, когда за свое неосторожное высказывание чуть было не попал под колесо репрессий и мой отец.

А было это в июне сорок первого года. Жили-были мы в поселке Красный Яр Новомалыклинского района, и вот в ночь с 21 на 22 июня я поехал с отцом в Мелекесс. Отец на старой колхозной лошаденке повез на продажу воз сена. Тридцать километров ехали всю ночь и на базар прибыли рано утром. Пока нашелся покупатель, пока отец отвез сено на частный двор, то время уже подкатило к полудню.

Вернулись мы на заезжий двор и были ошарашены страшной новостью: заплаканная хозяйка сообщила, что по радио выступал Молотов с заявлением о нападении Германии на нашу страну.

В поселок из города мы возвратились поздно вечером. Отец погнал лошадь на колхозный двор и остался там на дежурство. А рано утром мы узнали, что отца увезли в милицию. Никто еще в поселке не знал о начале войны, ибо не было у нас тогда ни телефона, ни радио, а вот весть об аресте отца молнией полетела

из избы в избу, вызывая страх и всевозможные кривотолки.

Не помня себя, мать и я почти бегом бросились в правление, которое находилось на колхозном дворе. И там от конюхов и пожарников узнали, что когда отец рассказал им о нападении Германии, то кто-то воскликнул:

- Ну, Гитлер-гад, скоро ты получишь в зад!

- Нет, скоро не получится, - возразил ему отец, - война будет тяжелой и долгой. Немцы имеют опыт, воюют уже несколько лет, а наше командование молодое, как говорится, необстрелянное...

- Ты чего, Степан Иванович, городишь? Ты разве не читал в газете сообщения ТАСС? Да Гитлер никогда не осмелится напасть на нас? Сам товарищ Сталин говорил об этом, - вдруг раздалась сердитая тирада председателя сельсовета Афанасия Сюткова. Никто из мужиков не слышал, когда он подошел к раскрытой двери правления.

Был Сютков высокомерным, часто называл себя большевиком и в обращении с людьми грубил и употреблял бранные словечки. Сельчане не любили его, редкие знали его отчество и между собой называли Афонькой. Вот этот самый Афонька и увез моего отца в Новую Малыклу, в районный отдел милиции, настроив заявление, что отец сеял панику, уверял мужиков, что читал какую-то книгу о подготовке Гитлера к нападению на СССР.

Во второй половине следующего дня к нашему дому подкатила милицеская машина, из которой вышел улыбающийся отец, а за ним следом шел кто-то из оперативных работников. Я подумал, что сейчас будут делать обыск, а мать, всплакнув, тяжело опустилась на скамейку, не зная - совсем вернулся отец или нет?

- О, сколько у вас книг, - войдя в переднюю избу сказал гость из милиции. - Не зря вы, Степан Иванович, прочитали нам целую лекцию о международном положении.

А книг у нас всегда было много, читать любила вся семья, особенно отец. Память у него была отличная и о прочитанном он рассказывал так, словно читал. А уж в вопросах политики в поселке ему не было равных. В этом ему помогали газеты «Известия» и «Правда», которые он выписывал постоянно, несмотря на очень скромный достаток семьи.

- Найди книгу «Гитлер против СССР», - сказал мне отец, и я тут же подал ему эту антифашистскую книгу Эрнста Генри, о которой мы с отцом частенько вели долгие разговоры.

- Вот книга, из какой я узнал о разбойничьей кухне Гитлера, - подал отец книгу оперу. Тот бегло полистал её, прочитал отдельные подчеркнутые места и ознакомился с оглавлением.

- Хорошая вещь, Степан Иванович, но уступите ее нам. Она нужна как справочный материал, ведь истории, подобно вашей, могут еще повториться. Сютковых, к сожалению, в районе немало...

А в начале июля, прочитав свежую почту, отец вдруг вскочил и прямо с газетами пришел к Сюткову.

- На, почитай выступление Сталина. Об опыте немцев и нашего командования он говорит то же самое, за что ты меня в тюрьму засадить хотел. Может и его повезешь в милицию?

Но Сютков только отшутился:

- Не беда, что чуток переборщили. Товарищ Сталин учит нас бдительности.

Вот такие «бдительные» Афоньки и лжесвидетельствовали, и доносы строчили, и в стукачи шли. О них мне напомнила вскрываемая кем-то личная почта, о чем я стал говорить открыто. Рассказал я об этом как-то и Валерию Гордееву, а он в свою очередь использовал этот факт в одной из своих статей. И вот, прочитав ее, один из бывших работников госбезопасности позвонил Валерию:

- Да не слушай ты Ларина, он просто больной человек!

Почти так же ответил и Храмов, когда он зашел в редакцию, и я рассказал ему о моих почтовых недоразумениях.

- Глупости говоришь, - нахмурился он, - кому нужна твоя почта? У тебя большое воображение, - заключил он, словно сделал мне полное медицинское освидетельствование.

Я, конечно, понимал, что он лукавит, такова уж специфика его лукавого ведомства. Наверно, мало в этом тайном агентстве найдется таких, кто честно бы признался: да, подглядываем, да, подслушиваем, да, читали письма граждан. Как ни странно, но все-таки нашлись такие.

Одна местная газета уже в сентябре 98-го поместила интересную корреспонденцию Ильдара Субаева: «Баба Вера - лейтенант госбезопасности». В подзаголовке этого материала белым по черному выделено: «Вера Семёновна Щучкина (в девичестве - Перова) из Новой Малыклы молодой девушкой попала в органы госбезопасности. Пять лет она читала чужие письма, цензорской рукой нещадно вымарывала «крамолу» из почтовых отправлений».

Автор заметки рассказывал, что до 42-го года Вера Перова работала в Мелекесе прядильщицей на льнокомбинате, а потом ее вызвали в городской отдел госбезопасности и взяли в штат военным цензором, где она и прослужила до 47-го года.

«Мы - 16 женщин - работали в старом городе на почте. Считались ее сотрудниками. На работу ходили в гражданской одежде, - рассказывала баба Вера, - и службу несли без выходных, с девяти утра и до пяти вечера. Три часа отдыха и снова за письма. Уходили домой за полночь. За день каждая до двух тысяч писем читала, ставя на прочитанных письмах личный номер. Нам надо было вымарывать тушью все плохое. А жили в тылу очень тяжело:

холод, голод. Случалось, что письма просто изымались... Чекисты выдавали нам списки подозреваемых горожан, их корреспонденцию обязательно изымали и передавали оперативникам для изучения»...

Ну что можно сказать об этом чистосердечном признании Вере Семеновне? Только спасибо. Спасибо, что не умолчала, хотя долгие годы никому не рассказывала о своей подпольной службе. Значит, она в душе сознавала, что занималась нечистоплотным делом, хотя и не по своей воле. Лично я благодарен ей за своеобразное покаяние. Оно подтвердило мои подозрения о досмотре и надзоре правящего режима за личной перепиской своих сограждан. Подумать только: шестнадцать женщин прочитывали за день свыше тридцати тысяч писем! В Мелекессе в годы войны формировались две дивизии, город и его окрестности были набиты военными, которые вдвое-втрое превышали коренное население. И если цензуру в какой-то степени можно оправдать военными соображениями, то почему она сохранялась четыре десятилетия и после войны? Неужели у всех граждан было «большое изображение?»

А впрочем, надо ли удивляться, если «Декларация прав и свобод человека и гражданина» в России принята только в ноябре 1991 года.

А в статье девятой этого документа говорится, что «Каждый гражданин имеет право на неприкосновенность его частной жизни, на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений». До этого со всех амвонов нам внушалось, что все права и свободы гражданам страны дарованы советской властью с октября семнадцатого года. Фактически же у граждан было отнято ВСЕ с первых дней существования преступного большевистского режима...

12.

Мои раздумья прервал приход Валерия.

- Ну, опять обложился средствами массовой информации, - добродушно улыбался он. - Даже про книжный магазин забыл. - Позавчера был.

- А Маркина купил? - и восторженно показал книжку, на белой обложке которой ярко выделялись красные буквы: «Евг. Маркин. Самородок».

- Что ж ты на мою долю не взял? - упрекнул я Валерию.

- Не успел. Расхватили. - Он помолчал и с иронией добавил: - Вот что значит один раз не сходить в дом книги.

Завидуя белой завистью Валерию, я с волнением разглядываю стостраничный сборничек, изданный 35-тысячным тиражом, и

долго вглядываюсь в портрет молодого автора с курчавой шевелюрой, напомнившего поэта Павла Васильева, растоптанного в годы сталинизма. Хотелось скорее углубиться в чтение, но я все еще скольжу большим пальцем по краям страниц, словно по колоде карт, еле сдерживая желание раскрыть книжку.

- Ну, ладно, не грусти, - сказал Валерий, - этот сборник я для тебя и принес. А для себя у меня вот, - и он вынул из кармана точно такую же книжку.

- Бери с полки стихи любого поэта, - обрадовался я.

- Равноценного нет, - смеется Валерий.

- А Евтушенко?

- Не могу. Вот когда и у тебя он будет в двух экземплярах, тогда другое дело. А сейчас послушай Маркина.

Ах, знать, судьба вепела,
Как смолоду привык -
Не вправо и не влево,
А только напрямик!..
С любой кручиной справлюсь,
Пройду сквозь мрак и грязь,
Ни слева и ни справа
Ударов не боюсь.

Валерий перевернул несколько страниц и продолжал читать:

Никакого нет во мне героизма,
Просто знал и боль, и неуют.
Потому-то чьи-то неустойства
Вечно мне покоя не дают...
Я боюсь грозы и наводнения,
В шахтах мне мерещится обвал.
Если б мог, то ближних каждый день я
Грудью, как Матросов, закрывал

Мы оба восхищаемся фрагментами этих стихов и признаём, что так именно Маркин и поступил, «ни слева и ни справа ударов не боюсь», встав грудью на защиту Александра Солженицына - великого писателя нашего времени. И от кого защитить? От несправедливости могучего государства. От свирепой армады его карательных органов. От самодуров советской империи, где человеческая жизнь не имела и не имеет никакой цены. От всесилия власти партocrats, чей генсек когда-то демагогически изрек, что «самый ценный капитал - это люди, кадры». Вождь знал, что говорил и понимал, что кадры подлинных патриотов помешают ему творить кровавую оргию. Потому десятки миллионов он и перемолол на мельницах ГУЛАГа. А мельница эта, как известно, долгое время производительно работала и после смерти самого Мельника. Вот под ее жернова попал и молодой поэт Евгений Маркин, хотя обошлось и без лагеря...

Я наугад раскрываю сборник его стихов и в глаза, как в подтверждение, бросаются слова:

Помню все: падения и взлеты.
Помню тех, кого я задевал,
Кто потом, сводя со мною счёты,
Спуску мне за промах не давал.
Строгие ревнители морали,
Ах, как скорый суд ваш был предалят,
Если десять шкур с меня сдирали,
Где иным пишь пальчиком грозят.
Стукачи с нечистыми руками,
Браконьеры, метящие влет,
Так порой украсят тумаками,
Что родная мать не узнает...

Оба восклицаем: «Блестяще! Великолепно! Здорово!»

Мы еще долго говорим о судьбе поэта, о темпераменту стиха сравниваем его с Павлом Васильевым. Оба и внешне красавцы, и по возрасту почти ровесники, и строки стихов у обоих упруги, как натянутый лук. Да и лебединые песни их оборвались слишком рано. Павла Васильева, кстати, родимая власть ухлопала в двадцать шесть лет.

- А как ты находишь название сборника «Самородок»? - спросил Валерий. - Я считаю, что название символично.

- Вполне. Оно достаточно веско говорит и о таланте поэта и о его стихах, как о золотом самородке. Книга же сейчас имеет золотую ценность еще и потому, что стихи опального поэта задержались где-то в пути и их не успели изъять из продажи.

- Зато я изъял, - смеется Валерий.

- Вот за это «изъятие» тебе спасибо. После «Белого бакена» теперь о Маркине мы будем знать намного больше. Что же касается изъятий, то в бытность моей работы директором книжного магазина этим приходилось заниматься и мне.

И я рассказал Валерию, как однажды изымали из продажи книгу прозы А.Твардовского «Родина и чужбина».

- Помню, получили мы с Ульяновской книжной базы десять этих книг. Красивая, толстая малоформатная книга сразу привлекла мое внимание и я один экземпляр отложил себе. А на другой день звонит директор Облкниготорга И.А.Дранко:

- Книгу Твардовского «Родина и чужбина» получил?

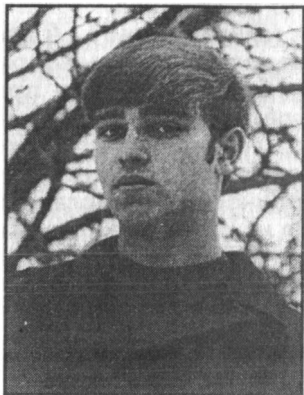
- Получил. Десять штук.

- Срочно приезжай и вези их мне лично.

- Но я уже половину продал, - слукавил я, хотя книгу мы еще не успели выставить на полку.

- Если продал, немедленно собери. Как - это не мое дело. Дай объявление по радио, чтобы принесли. Крайний срок - завтра. Из Москвы получено через обком указание. Я отвечаю за каждый экземпляр, так что не подводи.

Директор облкниготорга был умнейший и добрейший человек. Я работал с ним радостно и увлеченно. Подводить мне его никак

не хотелось. Зато очень хотелось узнать: почему книгу всемирно известного поэта, по сути дела, арестовывают? И я решил ещё на сутки отправку книг оттянуть и за это время хотя бы бегло ознакомиться с прозой поэта. Но не успел. В полдень приехал в Мелекесс сам Иван Афанасьевич и увёз книги в Ульяновск, сказав, что и сам не знает, почему книги изымают в пожарном порядке.

Только через полтора десятилетия мне довелось узнать, что в этой книге жрецы коммунистической идеологии усмотрели "плоды политической ограниченности и отсталости" и обвиняли автора в «непонимании сущности советского героизма». Вот это - да!

Какой же духовной ограниченностью надо обладать, чтобы додуматься до такой нелепости? Это автор-то «Страны Муравия» отсталый и ограниченный? Это создатель «Василия Теркина» не понимает сущности героизма? Да все творчество поэта, вся ошельмованная книга - это и есть глубокие раздумья поэта о героизме и патриотизме, о судьбе Родины и ее народа. Просто уму непостижимо: как только у политических дебилов поворачивался язык?!

Однако - поворачивался. И не единожды поворачивался. Еще в начале тридцатых годов к несправедливой оценке поэмы «Страна Муравия» приложил руку даже основоположник социалистического реализма - А.М.Горький. С его легкой руки затягивали в печати и другие проработчики. Поэта называли то «барчуком», то «кулацким сынком», который «кулацкую идеологию утверждает преднамеренно». Ну, а о стихах судили, как на шемякином суде: «Стихи Твардовского не воспитывают любовь к Родине, не учат ненавидеть классовых врагов». В результате - двадцатилетнего поэта исключают из писательской организации...

Вот точно такому же огульному ostrакизму подвергались сотни писателей при

На верхнем снимке молодой поэт Анатолий Кирюхин (ныне хозяин ДЭТВ - 25-й канал); на нижнем снимке поэт из Рязани Евгений Маркин.

всех советских самодержцах - от Ленина до Андропова.

Да и в шестидесятых годах поэта не оставили в покое. А все потому, что по рукам ходила обличительная поэма «Теркин на том свете», которую вынуждены были опубликовать еще при Хрущеве. Затем в течение двадцати лет была под запретом поэма Твардовского «По праву памяти». (Даже подготовленная к печати «Новым миром» еще в семидесятом году она смогла увидеть свет только в марте 87-го года). Поэт же периодически подвергался в печати глумительной критике от оболтусов из ЦК до кочегаров и плотников, поучавших поэта «как делать стихи». Вот им-то в те годы и адресовал поэт свои деликатные, но все-таки сердитые строки:

Я сам дознаюсь, доищусь
До всех моих просчетов.
Я их припомню наизусть -
Не по готовым нотам.
Мне проку нет - я сам большой -
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой,
Надухом не дышите.

А они нагло лезли всюду. Стояли не только над душой, а лезли в душу, в мысли, в письма... Подумав об этом, я снова вспомнил о надписях на перлюстрированных письмах и бандеролях и показал их Валерию.

- Как ты думаешь, чем это объяснить?

- Объяснение одно: рука гебистов. - Он взял присланный Заярой роман и прочитал дарственную надпись. - А остальное может объяснить приславшая тебе эту книгу.

- Не понимаю.

- Что не понимать-то? Кто такая Заяра? Дочь Артема. А кто такой Артем? Вчерашний «враг народа», хотя властью и реабилитированный. Но власть на то она и власть, что все помнит и ничего, никогда и никому не прощает. Для нее писатель так и остался с тем же тавром. - Валерий открыл роман на главе «Клюквин - городок». - О! Вон у тебя на страницах сколько карандашных отметок, да еще каких! Вот я их тебе и напому:

«...Обещаемые советской властью блага и свободы остаются на бумаге; растоптаны лучшие заветы вождей демократии; идея большевизации и социализации страны утопична»... Так разве эти строки устарели? Или вот еще: «Войну, братцы, выдумывают большевики, чтобы перевести простой народ, а самим блаженствовать»... А что, разве не так? В какие только «европы» и «азии» мы не лезли? На какой только земле не тлеют кости наших русских солдат? Но читаю дальше:

«Отъелись мы на коммунистических хлебах, гляди, какие гладкие стали, вошь на нас не держится, скатывается... Жрать нечего, жалованья нет ни копейки... Что ни день, что ни час: дай

гусей, дай курей, дай яиц, дай масла... Одно мы знали начальство - урядника... А нынче десять рук в карман тебе тянутся да десять в рыло... Под метелку гребут... Пока сидит над нами эта власть постылая, не выдать нам красных дней... История вслед за самодержавием, осудила и комиссародержавие»... Слышишь, Евгений Степаныч, как звучит современно? И такие перлы по всей книге рассыпаны. Сказанные смелым писателем полвека назад, они и сейчас большевиков по мордасам бьют. А такие большевики не прощают. Так что все понятно: Артема нет, зато есть его дочь, что не забыла «сласти» от власти. А коли так, то за нею глаз да глаз нужен. Вот этот глаз и таращит свои бельма во все замочные скважины.

Признаться откровенно, я и сам не раз задумывался, читая Артема: как только в ту свирепую пору такие строки могли пропустить? Читаешь их на каждой странице по одной фразе - и они сливаются в единый связный текст, обличающий советскую власть в несправедливости и беззаконии. В каждой фразе слышится боль и вопль крестьян, доведенных грабежом комиссаров до отчаяния. Потому и поднялись «чапаны» на крестьянскую войну против лживой большевистской власти. Вспыхнувшая в разных уголках России, она широко прокатилась по всему Среднему Поволжью и охватила почти все села Мелекесского уезда.

Эта страшная буря народного гнева была укрощена и восстание мужиков, как и Кронштадтский мятеж, было потоплено в крови. Об этой войне было принято говорить только в уничижительном смысле, как о кулацком мятеже. Диктаторы Кремля и их подручные лжеисторики семь десятилетий усердно хоронили подлинную причину крестьянского шторма, а писатель, вопреки им, взял да и вынес сор из избы.

- Артем был единственным литератором, дерзнувшим сказать о чапанной войне правду, - положил Валерий книгу на стол, - он был в эпицентре этих событий и видел все собственными глазами. Вот, наверно, почему власть расправилась с ним так же жестоко, как и с пахарями кровью умытой России.

- И все-таки, Валерий, только внукам нашим предстоит узнать о повстанцах Средней Волги если не все, то много больше, чем знаем мы с тобой. Уверен, что Чапанную войну они по праву поставят в один ряд с крестьянской войной Емельяна Пугачева и Степана Разина.

13.

В редакцию Валерий не заходил, наверно, более полумесяца. Я опубликовал несколько его новых стихов, отложил для него газеты, а он как в воду канул. Наконец, как-то в середине дня он 83

забежал ко мне и не один, а с приятным молодым пареньком.

- Ты где пропадаешь столько времени? - обрадовался я.

- Хлеб добываю. На МЗКА поступил. Сегодня в вторую смену иду.

- Тебя стихи давно ждут, - подал я газеты, - но в двух стихах концовки пришлось сократить. Думаю, что без них стихи стали лучше.

Валерий бегло прочитал текст и остался доволен.

- А я не по своим делам зашел. Привел тебе нового автора, Толю Кирюхина. С ним познакомила меня Ирина Беликова, говорит, что Толя - интересный парень, пишет стихи да и мыслит не как остальные.

Только тут я бросил более пристальный взгляд на загоревшегося от смущения гостя. Он внешне был действительно очень интересным, по-девичьи красивым и ладным. За все время он не проронил ни слова, краснел и, улыбаясь, скручивал в трубочку толстую тетрадь.

- В какой школе, Анатолий, учишься?

- На втором курсе сельхозтехникума.

- Откуда ж тебя знает Ирина? Она же в институте работает.

- До института она преподавала у нас математику.

Так в мою жизнь вошел Анатолий Кирюхин, в судьбе которого скоро мне пришлось принять серьезное участие.

Он заходил ко мне то по пути из техникума, то под вечер, когда редакция закругляла все свои дела. Редакция находилась тогда на Площади Советов, в доме, который позже снесли, а Толя жил рядом, на улице Серебрякова. Застенчивый, но разговорчивый, он больше всего говорил не о стихах, а о житейских проблемах, о том, что у нас НЕ ТАК и что надо сделать бы, чтобы было ТАК. И эти его рассуждения мне импонировали больше, чем разговоры на литературные темы.

Рос Толя без отца. У матери, кроме него, было две младших дочери, и она, как и многие вдовы, жила в трудных материальных условиях. Но никогда никаких жалоб на этот счет я от А.Кирюхина не слышал.

Известно, что мальчишки остро ощущают отсутствие отца или старшего брата. Им не хватает мужского общения, мужского авторитета, мужского разговора по душам. И я чувствовал, что Толя тянется ко мне, как к старшему собеседнику, которому хочется излить свою душу, высказать наболевшее и получить ответ на то, что его волнует. И я полюбил этого обаятельного паренька искренне, тепло, по-отцовски.

Часто, когда я возвращался с работы, Толя сопровождал меня до улицы Вокзальной, где я тогда жил. И всю дорогу он рассуждал, то о лесных полосах, занимающих в стране сотни тысяч гектаров,

На снимке:
члены литгруппы
«Черемшан»
Я.Рогачев, Евг. Ларин,
И.Хмарский,
А.Жуков, Г.Зимняков
(стоит). 1957 г.

но толк от кото-
рых весьма сом-
нителен, то с со-
жалением гово-
рил о ненужных

предметах, которые приходится изучать.

- Если бы вместо лесополос земля была засеяна зерновыми, то она дала бы хлеба больше, чем казахстанская целина...

О целине, помню, говорил мне и отец:

- Нам бы не в Казахстане целину поднимать, а порадовать о хлебе, что под боком. Крестьянину нужна техника, чтобы максимально сократить сроки уборки урожая, а мы растягиваем ее на два месяца. В результате хлеб валим в землю. Если в начале страды берем двадцать центнеров с гектара, то к концу уборки - только два.

А однажды Толя заговорил об Уставе сельхозартели и с неудовольствием отозвался о преподавателе, которая требует, чтобы студенты знали этот «закон колхозной жизни», как стихи.

- Но ведь этот Устав - явная чушь, - горячо говорил Толя. - Я несколько раз был на колхозных полевых работах и видел, что об этом своде правил там и понятия не имеют. Больше того - он и не нужен никому.

Как вчерашний колхозник, я и сам знал, что буква Устава не соблюдалась никогда, ибо все в этом документе формально и лживо, начиная от количества скота на личном подворье до распределения доходов. Люди в основном держали корову да десяток кур. Да и с этого «поголовья» государство забирало почти все. В конце концов коров отобрали, считая, что личный скот отвлекает людей от колхозных дел. Сулили выдавать сельчанам молоко с колхозных ферм, а показали - кукиш.

А взять хотя бы и «Сталинскую Конституцию», слова которой звучали торжественно и величаво. Но за ними была пустота, мираж. Все было сплошной демагогией и идеологическим словоблудием. Ну, например, Конституция «гарантировала» гражданам право исповедовать любую религию, а на деле вела за веру в Бога уничтожила сотни тысяч верующих, разрушила почти все их храмы, а уцелевшие превратила в клубы, в склады, в

мастерские, не щадя даже шедевры зодчества.

А вот как звучали в Сталинской Конституции статьи 127 и 128: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора». Какая наглая ложь! Десятки лет ни в чем не повинных людей арестовывали без санкций и расстреливали без суда и следствия.

«Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом». И это есть бесстыдная ложь, коли сталинский закон - это прежде всего - беззаконие и произвол. Кому ныне неизвестно, что борзые псы Ежова и Берии ночь-в-полночь врываются в квартиры, делали обыск и забирали все, что им приглянется?

Ну уж, а о свободе слова, свободе печати и праве на обеспеченную старость и говорить не приходится. Не было ни того, ни другого, ни третьего...

Все это молниеносно пронеслось в голове, но я не стал заострять внимание Анатолия на мрачных страницах нашей истории. По всему чувствовалось, что до многих державных несоответствий слова и дела он дошел сам, и это вызывает в нем неприятие и протест.

- Толя, милый, сжимай кулаки, скрипи зубами, но усваивай всё, что тебе преподают, - внушительным тоном заговорил я, - Владимир Ульянов в душе атеистом был, но «Закон Божий» все-таки учил на твердую четверку. А пришло время - он все религии в стране заменил одной религией - коммунистической.

- Да надоело уже слушать как учителя внушают нам веру в то, во что сами не верят.

- Наматывая на ус, но не бунтуй. Учебный курс по нашему хотению менять не будут. Есть порох в пороховницах, то заряжай им не споры на уроке, а свои строки. А ты за последнее время пишешь очень мало.

- Нет, я пишу много, но стесняюсь показывать, - робко протянул Толя общую тетрадку.

Я торопливо перелистал несколько страниц, прочитывая только заголовки: «Рождение весны», «Цветы», «Солнце» и задержал внимание на большом, почти тридцатистрочном, стихотворении «Детство».

...Где-то рядом бродит детство
Без штанишек, как мальчишка.
Не вчера ли, не вчера ли
Стал я на голову выше?
Не вчера ли вдруг случайно
Я себя увидел взрослым?
Не вчера ли, не вчера ли
Думать стал уже о прошлом?

Хорошие строки, ей-богу, хорошие. Они привлекают искренностью интонации и удачным рефреном "не вчера ли" скрепляющим строки, не давая стиху рассыпаться, хотя добрую половину из тридцати строк не в ущерб содержанию можно и сократить. То, что взрослеет молодой автор - это чувствовалось и без стихов, по всем нашим с ним разговорам. И, по-моему, выразить раздумья о своем повзрослении ему вполне удалось. Больше того, последняя, итоговая строка, «думать стал уже о прошлом» хороша тем, что несет двойную смысловую нагрузку, то есть автор задумывается не только о своём, пока еще небольшом прошлом, но и о прошлом страны, которое вдруг отключилось для него кровавой и кошмарной стороной.

А вскоре я подготовил в газету первую подборку стихов Анатолия Кирюхина с короткой, но теплой аннотацией:

«Его стихи тихие-тихие, как колыбельная песня. Они напоминают то сокровенный шепот юной души, то негромкую игру на одной струне настроения, то пыливый разговор с самим собой.

Студенту сельхозтехникума Анатолию Кирюхину 18 лет. Возраст говорит сам за себя: нет еще пока за плечами ни жизненного опыта, ни глубоких сердечных ощущений и переживаний. Оттого стихи юного автора и робки, и камерны, но они подкупают своей искренностью и немногословием...

Я рад каждой крохотной искорке его души, каждой строке его сердца, озаренной лучиком удивления. А уметь удивляться - это не так уж и мало, ведь поэзия, как известно, и начинается с удивления».

Подборка стихов была напечатана с фотографией автора и я с нетерпением ждал его, чтобы обрадовать, а он почему-то, как нарочно, все не приходил. Когда же, наконец, он появился я поздравил его с первой публикацией, но не заметил на его лице ни радости, ни восторга.

- Ты чего это, Толя, такой угрюмый?

- Из комсомола исключили...

- За какие же грехи?

- За сочинение. Помните, я говорил о колхозном Уставе? Ну так вот на уроке нам дали задание написать об этом «талмуде» сочинение. Считая этот закон филькиной грамотой, я ничего сочинять не стал. Написал в тетради несколько строк, что этот, мол, манускрипт придуман при царе-Косыре, что теоретически он считается законом колхозной жизни, но практически по нему никто не живет. К тому же я не из бедлама, чтобы вымучивать чего-то серьезное по поводу всякой белиберды. Ну, учительница, конечно, подняла шум, назвала меня антисоветчиком, поставила в известность завуча и секретаря комитета комсомола, которая, как по тревоге, собрала комитет. Вот комитет меня и исключил...

Ах, Толя, Толя, ну не говорил ли я тебе, что без нужды не бунтуй, не вызывай огонь на себя? Ох, неслучайно, говоря о повзрослении, ты оговорился: «Где-то рядом бродит детство». Вот на том уроке оно и забрело в твои мысли, а потом переключалось в озорные «криминальные» строчки.

- Тебя, Толя, на комитет приглашали?

- Нет.

- На комсомольском собрании обсуждали?

- Тоже нет. Комитет обратился к директору с просьбой, чтобы меня и из техникума исключили...

Я тут же позвонил директору техникума, но попал к завучу Жукову. И едва я назвал фамилию Кирюхина, завуч перебил меня.

- Можете не продолжать. Я в курсе этой истории.

- И как вы думаете с ним поступить?

- А чего тут думать? Исключим из техникума - и все!

- И вам не жаль парня? Ведь он совсем еще мальчишка. Зачем в расцвете лет коверкать ему жизнь?

- Мы - учим, а не коверкаем, - звенел Жуков медью голоса. И невольно вспомнились слова Берии: «Партия не карает, партия воспитывает».

- Но Толя - талантливый парень. Мы только что опубликовали отличную подборку его стихов.

- А нам его стихи - до лампочки. Нам дисциплина нужна, - не сдавался Жуков. Зараза равнодушия к человеческой судьбе, видно, долта изъела душу этого наставника.

После такой беседы я даже растерялся. Что же теперь делать? Но в это время вошел фотокорреспондент городской газеты и положил передо мной коричневый кружочек магнитофонной ленты.

- Что это?

- Запись вашего телефонного разговора с Жуковым. Будешь защищать Толю - пригодится...

Ничего себе - обрадовал!

Я был поражен. Онемел прямо. А что, если и наши разговоры он записывает? Ведь предлагали же ему сотрудничать с «компетентными органами», о чем он и сам говорил. На душе сразу стало чертовски мутно и неприятно. Мало ли какие разговоры мы ведем между собой, а рядом, выходит, - подсадная утка. Нет, надо все-таки быть подальше от такого соседа, хотя он и дал мне несколько метров нашего разговора, которые я храню до сих пор.

14.

На другой день с утра я пошел в техникум, стоявший на углу улиц, Пушкина и Самарской, и встретился там с комсомольским

секретарем Валея, которую я знал давно. С ее помощью мне приходилось организовывать в техникуме литературные встречи с ульяновскими и местными писателями, брать информации о культурной и спортивной жизни будущих специалистов деревни. Помогала она разобраться и в подготовке материалов критического содержания.

Рядом с техникумом стояло небольшое здание студенческого общежития, в одной из комнат которого и находился комитет комсомола.

- За критикой пришли? - заулыбалась Валя, - Тогда вам повезло: мы одного студента хотим исключить из комсомола. А завтра-послезавтра его, наверно, исключат и из техникума. Это Толя Кирюхин, стихи которого вы печатаете.

- И что же ваш Толя натворил?

- Говорят, написал что-то антисоветское.

- А что именно?

- Я не читала, но слышала разговор преподавателей.

- И этого достаточно для исключения?

- Все считают, что достаточно.

- А ВСЕ - это кто? Комсомольцы?

- В основном преподаватели. Собрания мы не проводили, так как многие ребята еще не вернулись с практики.

- А без собрания вы не имеете права исключить.

- Знаю. В душе мне, конечно, Кирюхина жаль и я против его исключения, но, честно сказать, я виновата сама: пошла на поводу у других и подписала письмо на имя директора.

Признание и сочувствие Валея меня просто окрылило.

- А что, Валя, если сейчас провести мини-собрание?

- Собрание не получится, комсомольцев мало. Но для общей беседы сколько-то соберем.

Вместе с Валея мы обошли все комнаты общежития, собрали десятка три студентов, а девушки, сбегав в техникум, привели еще десятка полтора ребят. Валя пригласила всех в один из свободных классов и предоставила слово мне.

Разговор с молодежью я начал с вопросов:

- Ребята, вы хорошо знаете друг друга?

- Знаем. Живем и учимся вместе.

- А Анатолия Кирюхина знаете?

- Знаем. Хороший парень. Спокойный и симпатичный.

- Умный и начитанный.

- Нравится он вам?

- Нам нравится, а преподавателям не всем нравится.

- Почему?

- Он им часто задает вопросы, на которые они затрудняются отвечать.

- А за что же вы его исключили из комсомола?
- Мы не исключали. У нас и собрания не было.
- А если собрание такое будет и на нем поставят вопрос об исключении его не только из комсомола, но и из техникума. Вы проголосуете за это?

- Не-е-ет! - хором закричали все.

- А за что исключать? Он же не украл, не убил, никого не оскорбил. Плохого о нем ничего не знаем...

Больше задавать вопросы не имело смысла.

Когда с Валея мы остались один на один, она прослезилась и тихо сказала:

- Спасибо вам за моральную поддержку. И я сердцем понимала, что взяли за парня круто, но все закрутил завуч. Я сообщу вам когда будет педсовет и прошу вас прийти обязательно. Директор в отпуске, за него остался завуч. А он - буквоед и, боюсь, может наломать дров.

Через день Валея пришла ко мне в редакцию и сообщила, что вечером будет педсовет.

И вот я сижу в учительской техникума, где до начала заседания преподаватели оживленно чего-то обсуждают. Из своих знакомых я вижу только Валею, Л.Бибину и Л.Исаеву. Со всех сторон раздаются реплики, по которым нетрудно определить, о чем идет речь.

Вслушиваюсь в разговор и поражаюсь агрессивному настрою некоторых преподавателей.

- Нет, все-таки за слово нельзя исключать.

- Смотря какое слово. Кирюхин написал, что он не из бедлама, чтобы всерьез рассуждать о каком-то дурацком Уставе. А мы, значит, из бедлама, если говорим о нем на уроках?

- А что это такое - бедлам? Я первый раз слышу.

- Точно не скажу, но, по-моему, это что-то из области психической ненормальности.

- Ну что вы! Бедлам - это хаос, неразбериха, путаница, беспорядок, бестолковщина. Зачем говорить ерунду?

- Антисоветчик. И пишет антисоветчину.

- Назовите хотя бы одну его антисоветскую фразу, - не стерпев, вмешиваюсь я в разговор.

- Я не читала. Слышала от коллегии, а ее сегодня нет...

Боже мой! Никто, оказывается, не читал, что же крамольного написал их питомец? Готовы человека прямо на эшафот вести, хотя сами не знают, а за что? Но - судя! Да еще как судя! Вот уж поистине прав классик, сказав: «А судьи кто?!»

Торопливо вошел завуч Жуков и, пройдя к столу, сразу же открыл заседание педсовета.

- У нас сегодня на повестке несколько вопросов, в том числе и персональный вопрос о студенте Кириюхине. С него, пожалуй, и

начнем, поскольку здесь присутствует корреспондент газеты. Так что не будем его задерживать. А суть дела вот в чем: за антисоветские высказывания студент Кирюхин исключен из комсомола. Вот поэтому комсомольский комитет и группа преподавателей обратились к дирекции с просьбой исключить Кирюхина из техникума. У кого и какие на этот счет соображения?

- Я хочу внести ясность, - поднялась Валя. - Заседания комитета у нас не было, мы просто обменялись между собой мнениями. Так что никакой просьбы от комитета комсомола нет. Есть только моя подпись под коллективным письмом преподавателей, о чем я очень сожалею. Каюсь, что поддалась на уговоры и подлись свою снимаю.

- Не узнаю вожака комсомолки, - развел руками завуч. - Наслушалась баек журналиста, а надо бы послушать ребят. Они иначе думают.

- У меня с ними только что был разговор, - села Валя на свое место. - И думают они очень правильно. Ну, а журналист ничего плохого не говорил.

- И мне он плохого не сказал. Но и хорошего - тоже. Работает в сельской газете, а берет под защиту того, кто не любит устав сельской жизни.

Я не выдержал и резко возразил:

- А почему он должен его любить? В одном из кинофильмов есть эпизод, где дети тоже пишут сочинение "За что я люблю Маяковского". Но одна девочка написала "А я не люблю Маяковского" и сдала тетрадь учительнице. Девочке поставили единицу, но из школы-то ее никто не исключал. Никто не приписывал ей никакой антисоветчины, зная, что "отец народов" назвал Маяковского "лучшим и талантливейшим поэтом советской эпохи". Ну не понравился вашему ученику закон, о котором говорите вы, так неужели это криминал? Неужели у нас нет плохих законов? Да сколько угодно. Один закон, по которому за горсть зерна солдатке-матери давали десять лет, чего стоит!

Ну, а то, что написал Кирюхин - это обыкновенное ребячество, которое, кстати, он не афишировал, а доверительно написал учительнице. Ей же просто не хватило юмора понять иронию его поэтической души.

Жуков насупился, низко опустив голову.

- Не надо нам петь про поэтические души, - желчно съязвил он, - мы здесь на Пушкина никого не учим. Деревне и одного Пушкина хватит. Оправдывая Кирюхина, редакция оправдывает себя. Это она его таким воспитала. Это у вас там он нахватался антисоветчины.

- Во-он что! - опять вырвалось у меня. - На занятиях литературной группы Толя в редакции бывает раз в месяц, а на

ваших уроках - каждый день. Так что у вас больше возможности влиять на него.

Сделав еще несколько наскоков на Кирюхина, Жуков стал уже обвинять меня, что на молодых литераторов я оказываю вредное влияние.

- Я слышал, вы конфликтуете и с горкомом, и с горисполкомом, да и другие руководители на вас в обиде. Вот это свое недовольство и передаете таким, как Кирюхин...

- Я - газетчик, а газета - зеркало жизни. Обижаться же на зеркало не только смешно, но и глупо.

Жуков оставил эти слова без внимания. Он поднялся из-за стола, прошел взад-вперед по учительской, затем обвел взглядом всех своих преподавателей.

- Ну, что будем делать? Сами укажем Кирюхину на дверь, или будем ждать, когда это сделает за нас горком?

Никто не проронил ни звука. Я же глядел на него и думал: «Откуда у этого наставника столько зла и неприязни к тем, кто думает "не в ногу"? Не от самой ли власти, выдрессировавшей таких ретивых служак? Не от самой ли системы, считавшей людей лишь "винтиками" своего державного механизма? На таких "защитниках", как Жуков, власть и держится. Палачи Лубянки тоже были убеждены, что защищают советскую власть.

Да-а, Сталина нет, а его "педагогика" подозрительности и преследования за убеждения живет и здравствует». Я еле сдерживал в себе ярость ненависти к воскресшему сталинизму, боясь, чтобы она не прорвалась и не обернулась для моего подзащитного еще худшими последствиями. Я попросил слова и с горьким комом в горле стал говорить о том, как порой людская ненависть к ближнему бывает слепа, опрометчива и опасна.

Мне трудно восстановить дословно давнее выступление, но я хорошо помню его основную суть:

- По профессии я тоже учитель, хоть и работал в школе не так уж много. Но все равно это дает мне право говорить с вами, как с коллегами по педагогической работе.

Всем нам известна евангельская легенда о распятии Христа, о том, как сама толпа, требуя казни Иисуса, кричала: "Распни его! Распни!"

Хорошо помним мы и сталинские процессы над "врагами народа", митинги и собрания трудящихся с требованием применить к "врагам" самые суровые меры. Это своеобразное "распни" гремело от Москвы до самых до окраин. А сегодня мы знаем уже и о том, что распинали-то не врагов народа, а друзей народа, самых лучших и мудрых наших соотечественников.

Скажите, а послужило это нам уроком? Нет, не послужило. Всю жизнь мы ищем врагов. Всю жизнь никак не можем обойтись без

На снимке: в гостях у мелекесцев московские писатели Борис Могилевский (второй слева) и Борис Костюковский (второй справа), на встрече с ними Евгений Ларин, Татьяна Карпенко (ныне депутат горсовета) и поэт Яков Мулярич (крайний справа).

этого свирепого "распни". Неужели мало нам десятков миллионов жертв? Неужели стране, говоря словами Твардовского, не хватает "клейменных сыновей и виноватых без вины"? Так зачем же выдумывать врагов? Зачем из мухи делать слона? Зачем раскладывать костер нового жертвенника? Чтобы бросить на него абсолютно безгрешного Толю Кирюхина? А за что? Да ни за что!

Я думаю, вы читали в журналах "Повесть о пережитом", в которой приводится факт, как двенадцатилетняя девочка неосторожно задела плечом гипсовый бюст Сталина, он упал и разлетелся вдребезги. Так эту девочку приговорили к лагерям, приписав ей терроризм. Несправедливо? Конечно, несправедливо. А разве справедливо поступите вы, если сделаете из своего питомца изгой? Разве для этого мать отдала его в ваши руки? Она надеялась на вас, что вы вложите в него свою душу, научите труду и добру да выведете в люди. А здесь, оказывается, хотят указать ему на дверь и вывести его... за ворота. Это ужасно!

Вот почему, как по тревоге, я и пришел сюда. И не надо упрекать меня, товарищ Жуков, что я беру под защиту студента Кирюхина. И не надо иронизировать по поводу того, что я оказался здесь в качестве адвоката. Естественней было бы видеть в этой роли коллектив преподавателей, чтобы не к вам, а вы пришли бы в редакцию и грудью встали на защиту своего воспитанника.

В заключение я хочу сказать, что все-таки верю в здравый смысл воспитателей, в большинство сидящих здесь матерей, которые не должны позволить совершиться непростительному злу...

Пока я говорил, была мертвая тишина, а когда замолчал, то вся учительская словно взорвалась от аплодисментов. Меня поддерживали все преподаватели. В поддержку Анатолия Кирюхина они говорили такие проникновенные слова, что не стал настаивать не своим даже негнбимый Жуков. В жертвенный костер, что он хотел раздуть, никто не подбросил ни сучка, ни пучка соломы.

А когда все стали уходить домой, то я снова лицом к лицу столкнулся в дверях с твердолобым завучем. Он проиграл эту дуэль, а я пока одержал верх в поединке за одну душу, в схватке за одно имя, в единоборстве за одну человеческую судьбу, не дав растоптать ее "на заре туманной юности".

- Ну, Ларин, вы и возмутитель спокойствия. Позавчера против меня вы настроили студентов, а сегодня - преподавателей. - Он натянуто улыбнулся и добавил: - Я знаю, кстати, другого Ларина. Заслуженного лесничего. Вот он - золотой человек. И умница.

Ответ я "сыграл" по его же нотам:

- Я тоже знаю другого Жукова. Маршала, например. Так тот Жуков не только великий полководец, но и великой души человек. Не обижайтесь, но носить такую же фамилию - это тоже самое, что жить по подложному паспорту.

Словом, любезностями обменялись оба...

Несколько лет назад сельхозтехникум справил новоселье и находится теперь не в центре, а в северной части города. Но всякий раз, когда я прохожу мимо его прежнего здания, то невольно останавливаюсь. На его стене красуется мемориальная доска в память о штабе дивизии, находившемся здесь в годы войны.

И только я один вижу на этой стене другую, никем незримую мемориальную доску памяти.

И только я один могу прочитать на ней незабвенные и не потускневшие от времени знаменательные слова: "В этом здании почти тридцать лет назад была предотвращена морально-политическая расправа над студентом Анатолием Кирюхиным, воспитатель которого пытался принести его в жертву режиму, свирепо душившему любое инакомыслие"...

Я продолжаю путь и мне приятно сознавать, что к этому событию и к этому ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ я имею самое непосредственное отношение.

(Продолжение
следует)

НАШИ АВТОРЫ:

■ **МАТЛИНА Светлана Ивановна (ПРОШИНА)** - родилась в селе Новая Малыкла Ульяновской области. Детство провела в Мелекессе, где работал ее отец. Закончила среднюю школу в рабочем поселке Майна (железнодорожная). Работала литсотрудником районной газеты «Ленинец». Училась в Ульяновском пединституте. Работала в городском краеведческом музее, журналистом в редакциях разных газет и радио. После специализации в институте им. Бехтерева в Санкт-Петербурге и им. Сербского в Москве была психопсихологом Ульяновской областной психиатрической клиники.

Давно и плодотворно, профессионально работает в литературе. Член Союза писателей России. Автор книг «Звездаград», «Лик души», «Славянские вязы», «Хожение снегами», «Земная сила», «Куколки ангелов», «Толубая флейта», «Лаборатория культиурологии», - выходящих в Москве, Саратове, Ульяновске. Сейчас работает над новыми книгами «Вслед за бабушкой Вангой, или Королевский путь» и «Русское Романсеро», посвященной Федерико Гарсиа Лорке.

Ответственный секретарь Ульяновской областной писательской организации.

■ **НИКОНОВ Александр Федорович** - коренной житель села Рязаново Мелекесского района. У него богатый жизненный опыт. Он успел поработать в крестьянском производстве, был на армейской службе, освоил многие рабочие специальности, имеет диплом профессионального журналиста (испфилфак КГУ), работал во многих редакциях газет. Ныне профессионально занимается литературным трудом. Участник многих литературных семинаров, как областных, так региональных и всероссийских. Писательское мастерство Никонова не раз отмечалось критиками, известными писателями. Его повести, рассказы и сказки выходили в свет в Саратове, Ульяновске, Димитровграде. Участник Димитровградского регионального совещания литераторов, член Союза писателей России. Живет и работает в нашем городе.

■ **БОНДАРЕВА Кристина Валерьевна** - появление ее произведений на страницах «Черемшана» - дебют молодого литератора. Родилась в г. Баку, а вот среднюю школу Кристина пришлось заканчивать уже в Димитровграде (шк. № 17), ее семье после известных сумасшедских событий пришлось бежать в Причеремшанье. Закончила Ульяновское музыкальное училище по классу вокала. Работала в ульяновском радиообъединении «Центр», в редакции женской газеты «Агая», в музыкально-хоровой студии «Апрель» педагогом-вокалистом, ведущей телепрограмм ТТРК - 43-й канал.

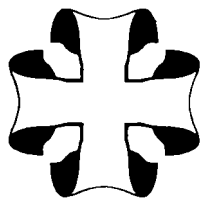
Бондарева самая юная участница Димитровградского регионального совещания литераторов. Сотрудница редакции областной газеты «Кривой дом». Живет в Димитровграде.

■ **ХМАРСКИЙ** Иван Димитриевич - старейший литератор в нашей области, один из основателей мелекесского литературного объединения «Черемшан». Родился в 1914 г. в городе Полог Зaporожской области. Закончил художественное училище и химико-металлургический техникум. Имеет рабочий стаж электромонтера и техника. Занятия литературой привели его в легендарный ИФЛМ, который он закончил в 1939 году. Участник Великой Отечественной войны, сотрудник фронтовых газет «Крылья победы», «Красный сокол», «Доблесть». В послевоенные годы был на дипломатической работе. Репрессирован. В Мелекессе четверть века работал учителем литературы в школе, затем преподавателем переклассификации.

Кандидат наук, автор книг «Вечер встречи», «Золото-старушка», «Елка, зеленая иголка», «Подарок комиссара», пьес «Кактус», «Да будет свет!», а также ряда фотокор и пособий методического характера, изданных в Москве, Саратове, Ульяновске. Живет и работает в областном центре.

■ **СТЕПАНОВА** Лидия Михайловна - в нашем городе более известна как автор прекрасных стихов и рассказов для детей. Сценарист и кулестист детского театра «Бим-бам» и театра-студии «Символ». На ее стихи местные композиторы пишут песни и романсы. Л. Степанова родилась в г. Ульяновске, но с раннего детства живет в Димитровграде. Работала инженером-конструктором на ДААЗе, где с первых публикаций в многотиражке «Автомобиль» и началась ее творческая биография. Автор многих подборок в областных и городских СМ. Член ДПО.

■ **ПРОХОРОВА** Надежда Федоровна - родилась в г. Карабалта (Киризия). Предки по линии отца переселились с Украины на окраины Российской империи в начале века, - по линии матери - остальные переселенцы времен коллективизации на территории Оренбургского казачьего войска. В 1959 г. семья переехала в Мелекесс на строительство НШРА. Прохорова выпускница городской школы №1. В 1979 г. закончила исторический факультет Куйбышевского университета. Лауреат российского конкурса студенческих дипломных работ в Казанском университете. Учительствовала в яхловской школе (Куйбыш. обл.), с 1981 г. научный сотрудник Димитровградского краеведческого музея, с 1984 г. - директор музея. Публиковалась в периодике. Соавтор «Хроники событий в Мелекессе-Димитровграде». Ведет большую научную работу.

ОКТЯБРЬ
1998

литературно-художественный
и краеведческий журнал